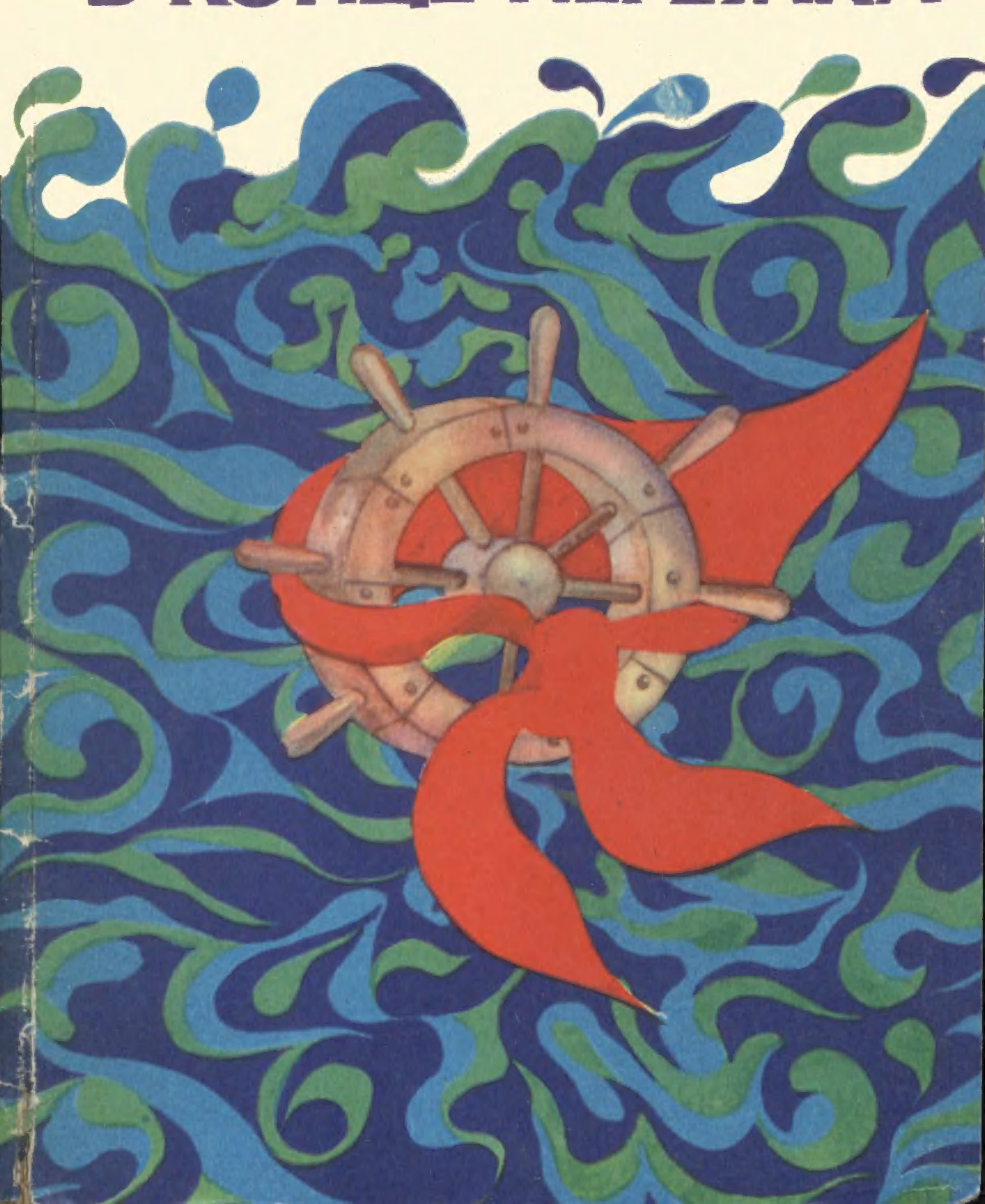
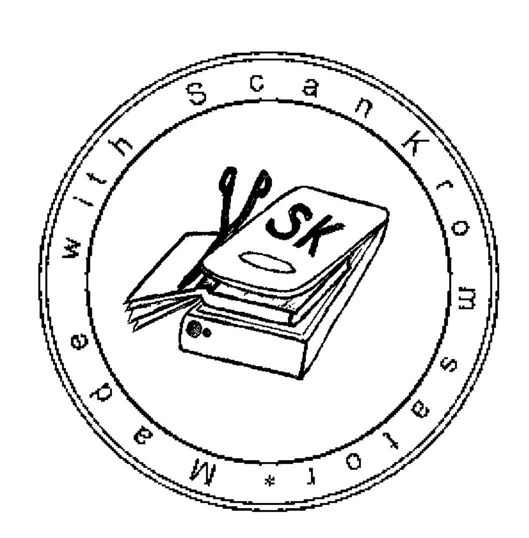
МОРЕ В КОНЦЕ ПЕРЕУЛКА

МОРЕ В КОНЦЕ ПЕРЕУЛКА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1976

373.04
М79

М $\frac{10403-238}{078(02)-76}$ 074—76

Эта книга о море, которое вы не найдете ни на одной карте.

О море, созданном смелой мечтой и доброй фантазией.

О его белоснежных фрегатах, верных матросах и отважных капитанах.

О море детства, которое неугомонно шумит в конце тихого переулка в сухопутном городе.

Эта книга написана мальчишками и для мальчишек — своих сверстников. Но ее полезно будет прочитать и взрослым, особенно тем, кто работает с детьми.

Все мы из детства. Но все ли мы помним его так отчетливо, зримо, чтобы и сегодня понимать тех, кто меньше нас ростом? Как понимает своих юных друзей писатель Владислав Петрович Крапивин.

Его книги давно и прочно завоевали любовь и признание читателей. Светлые, добрые, пронизанные какой-то особой доверительностью страницы творчества Владислава Крапивина стали спутниками мальчишек и девчонок во всех уголках нашей страны и за ее рубежами.

Но Владислав Петрович не только писатель. Он педагог. Вожатый. «Надеюсь, верую — вовеки не придет ко мне позорное благоразумие», — писал Маяковский, отстаивая право поэта на вечную душевную молодость, непосредственность, непохожесть. С точки зрения людей, к которым пришло «благоразумие», жизнь Владислава Крапивина нескладна, чудаковата. Высокий — о таких продавцы магазинов одежды говорят «нестандартная фигура», — он нестандартен во всем. Бросает жилплощадь в центре города и переезжает в маленькую квартирку на окраине Свердловска, на Уктусские горы. Но не затем, чтобы в тихой тени уктусских сосен зарыться в рукописи. Каждый, кто побывал в этой квартире, знает, что двери ее никогда не запираются. Никто из домашних не имеет

даже права спросить очередного гостя: «Что надо?» Раз пришел — значит, надо — раздевайся, проходи. Приходят, стучат в окно, переговариваются через форточки утром и вечером, днем и, случается, ночью.

А когда склоны Уктуса становятся вновь зелеными, забрав мальчишек, он отправляется в путь. Поздней весной или летом его непременно можно встретить в Москве. В черной куртке со значком «Орленка» на лацкане, в посветлевшей от солнца беретке, в окружении «оруженосцев» — «оружие» в данном случае кинокамеры и фотоаппараты — бродит по Кремлю, по проспектам и улицам столицы. Потом крапивинская команда берет курс на юг, к морю, сначала в город, где камни причалов хранят были отшумевшей войны, а ветер треплет снасти кораблей и напоминает о мечтателе — Грине, после — на раскопки Херсонеса, затем пароходом на кавказский хребет. Каждый, кто увидит Крапивина с ребятами, невольно обратит внимание: рядом с ним даже низкорослые мальчишки не теряются, кажутся выше, сильнее. Как-то вот умеет он даже внешне не подавлять своих маленьких спутников.

Откуда он? Из детства, конечно. Но для него оно не окончилось в тихом городе над рекой Турой, не осталось в школьных классах, не оборвалось в студенческой аудитории. Одна из глав дипломной работы студента факультета журналистики называлась «Мои друзья — мальчишки». Он вышел из детства и вернулся к детству как писатель, педагог, как старший брат. Друзьям-мальчишкам он верен и предан не только в книгах, но и в жизни.

Как-то осенью газета мальчишек Уктуса «Тигренок Санька» (потом ее переименовали в «Петушок») объявила розыск члена Союза советских писателей, лауреата премии Ленинского комсомола, командира пионерского отряда «Каравелла» В. П. Крапивина. Цель розыска была весьма определенна: поздравить названного В. Крапивина с днем рождения, востребовать именной пирог, надрать ему уши.

Веселая была церемония. Несколько десятков ребят, от семи до семнадцати лет, взбираясь на столы и скамейки, подняв невероятный гам, дружно, душевно и очень искренне трепали за уши своего командира, а он, огромный, широкопле-

чий, стоял, опустив руки, то молил: «Тише, черти...», то ругался, поминал неведомого зверя — «крокогидру». И улыбался.

Трудно сказать, куда вложено больше таланта, выдумки, — в книги или в пионерский отряд «Каравелла»? Книги, разумеется, тоже не рождаются легко, но «Каравелла» — это почти круглосуточные заботы, тревоги, споры. Но он не умеет, да и не хочет жить иначе.

Недавно «Каравелла» отметила свое десятилетие. И хочется немного вспомнить ее историю.

Был сначала на Уктусских горах маленький отряд «Берег веселых Робинзонов». Учились сражаться на шпагах, ходили в походы. Поднимали среди уральских лесов оранжевый, под цвет полыхающего костра, флаг с эмблемой — мальчишка с подзорной трубой и верхом на акуле. Потом, когда подросли, приняли новое пополнение, стали юнкоровским отрядом «Ветер». Выполняли важные поручения «Пионера» и «Пионерской правды». А печатный орган — лукавый «Тигренок Санька» — победил на Всесоюзном смотре стенных газет.

На смену «Ветру» пришла «Каравелла» — пионерский отряд юнкоров. Здесь учатся владеть и клинком, и пером, и кинокамерой, и фотоаппаратом. Учатся ставить парус и водить яхту. И еще учатся очень важному и главному — жить дружно, быть смелым и справедливым.

Правила «Каравеллы» добры, но и строги. Родители вступающих ребят должны дать гарантию: их сын или дочь будут аккуратно посещать все занятия, не будут встречать никаких препятствий со стороны старших при выполнении отрядных заданий. Нарушение пионерской этики, неявка на занятия, опоздание на сигналы вызова и тревоги наказываются строгим предупреждением, а при повторении — отчислением из отряда. Причем уважительными причинами не считаются: поездка в гости, на рыбалку, посещение кино, театра и прочее. Жестоко? Нет, серьезно и значимо, подчеркивается важность пути, на который ступил новичок. Не забава это, не пустые развлечения. А дела настоящие — и относись к ним, будь добр, по-настоящему.

В «Каравеллу» приходят не на день-два, даже не на год. Первые юнкоры отряда уже стали взрослыми, разъехались

по стране, но по-прежнему считают себя членами экипажа «Каравеллы».

Красиво и торжественно проходит прием нового пополнения. Замирает линейка. Один из флаг-капитанов зачитывает законы отряда.

— Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их я ни встретил. Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то другой раньше меня. Если мне когда-нибудь станет страшно, я не отступлю. Смелость — то, когда человек боится и все-таки не сворачивает с дороги. Я знаю, что, если в каком-то трудном деле, в борьбе один на один с опасностью или бедой я потерплю поражение, отряд все равно придет на помощь, и мы добьемся победы. Забудьте слово «я», когда речь идет об удовольствиях. «Я» звучит хорошо, когда вызывают добровольцев. Никто не пройдет мимо плачущего малыша.

Никто не должен бояться насмешек злых, завистливых людей, когда занят делом отряда...»

Красивы законы. Им не изменяют.

Новички подходят по очереди к столу, зажигают свечу и дают обещание быть надежными матросами и капитанами «Каравеллы». «Все свечи горят, — говорит командир. — Давайте стараться, чтобы никогда не пришлось нам гасить ни одну из них».

Одну из своих повестей Владислав Крапивин посвятил «всем мальчишкам с Уктусских гор».

А сейчас вот вы взяли в руки книгу, написанную мальчишками с Уктусских гор. Рассказывают юнкоры «Каравеллы».

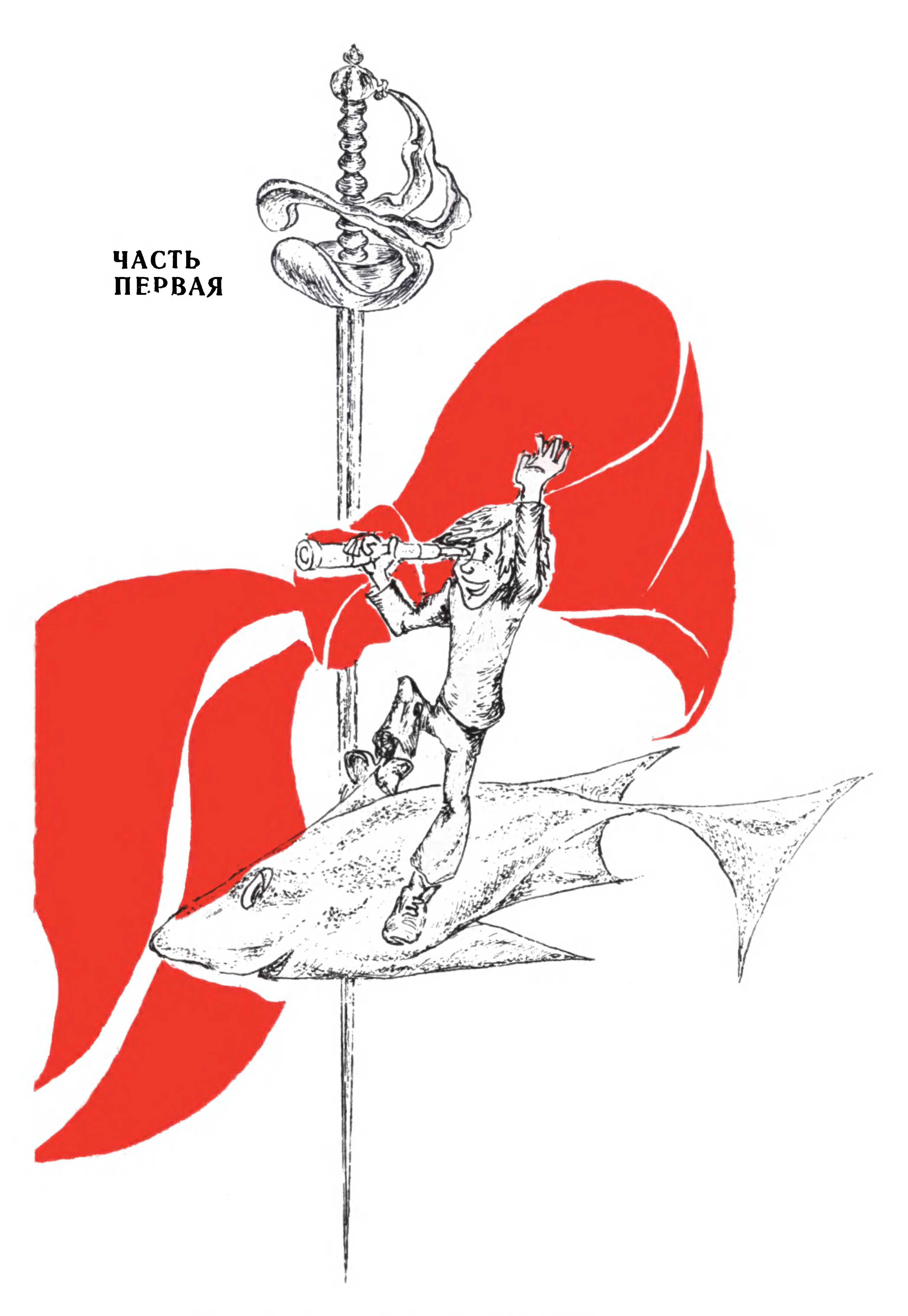
О себе и о своем отряде. О море, открытом в конце переулка и навсегда оставшемся в сердцах, в памяти.

О своем верном старшем друге и вожатом, который учит пионеров быть сильными. И добрыми. Потому что сильные должны быть добрыми.

О том, какой увлекательной, захватывающей, интересной может и должна быть пионерская жизнь, когда ее овевают попутные ветры мечты и романтики.

Валерий ГРИНБЕРГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗВЕЗДЫ НА БЕРЕТАХ

Алексей УСОВ,
флаг-капитан «Каравеллы»,
восьмиклассник, стаж в
отряде — пять лет

САМЫЙ МАЛЬЧИШЕСКИЙ ВОЗРАСТ

Много лет тому назад
Начинался наш отряд —
Боевая «Каравелла»
Собрала тогда ребят...

Паша Орлов
Из литературных архивов
альманаха «Синий краб»

Стучат колеса поезда. Мы снова в пути. Позади остался Свердловск, Уктус, наш отряд, уютная кают-компания. Впереди — новые встречи с друзьями «Каравеллы». Впереди — Москва.

Для одних поездка в Москву — открытие. Малышам еще не верится, что первое путешествие их началось, что это не сон. А старшие ребята встретятся с Москвой, как со старым другом, которого всегда радостно увидеть вновь.

Огромный шар солнца прыгает по верхушкам сосен, старается не отстать от поезда. Скоро наступит вечер, а потом ночь. Выскользнет из-за туч луна, и придут сны. Разные. В том числе и про паруса. А если не спится, можно помечтать. Вагон покачивается как корабль. Можно открыть окно и впустить ветер, который пахнет одуванчиками, земляникой. А может, он принесет с собой запахи трав Кубы, Гибралтара, островов Зеленого Мыса. Может, именно так пахнет море...

Проходит ночь, и снова скачет по вершинам холмов солнце. Начинается новый день. Для всех пассажиров он проходит в обычной дорожной суете. А для нас он необычный и радостный, как новогодний праздник. В этот день кончается тринадцатый и начинается четырнадцатый год отрядной жизни. 3 июля 1961 года рукой Ирины Мезенцевой была сделана первая запись в вахтенном журнале судна со сказочным названием «Бандерилья». Судно отправилось в путь. Первый. А теперь нам тринадцать, и большим, и маленьким членам «Каравеллы».

Как и полагается в праздник, поднялась суматоха. Командиры придирчиво оглядывают своих подчиненных. Нужно, чтобы парадная форма была в полном порядке.

— Ну, чего ты ко мне пристал? Третий раз проверяешь! — не выдержал Димка Конюхов, когда я, пробегая мимо, потребовал показать, подтянут ли ремень.

В это время специальная группа разрабатывала план, как выманить из купе командора. В день рождения полагается дарить подарки, и появиться они должны неожиданно. Выручил Серега Молчанов. Он стал всех уверять, что в два счета поставит мат командору. Слава, который уютно устроился у окна и обозревал окрестности, не выдержал. Он пошел разыскивать шахматы.

Пока между командором и Молчановым шел турнир, в купе происходили таинственные превращения. На стене появился последний выпуск газеты «Петушок», посвященный знаменательной дате. А еще — картина, которую нарисовал наш художник Сережа Коробов. На ней были изображены случаи из отрядной жизни. Целая летопись в рисунках.

В самый разгар шахматной партии командора потащили в купе. Тяжело вздыхая, Слава поплелся по коридору. Необычная тишина и пустота вокруг встревожили его.

— Ребята, что случилось? Куда все подевались? — допытывался он.

Все собрались в командорском купе. Сидели, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели на Славу. И все чего-то ждали...

— А я совсем забыл, — тихо сказал командор. — Думаю, чего это вы раньше времени форму надели. До Москвы еще далеко... Поздравляю. Всех.

Сами себе мы подарили шоколадку, которую тут же съели. А командору вручили берет с тринадцатью большими звездами. Ведь он у нас ветеран. Каждая звездочка — год отрядной жизни, а значит, плавания на яхтах, походы, снятые фильмы, материалы в газетах и журналах. Очень многое значит каждая звездочка. У Сани Шильникова их шесть. У Андрея Шуклина тоже. А у Сережки Молчанова три, у Димки Конюхова пока одна...

Как всегда бывает в юбилей, начались воспоминания.

— А помните!.. А помните... — неслось со всех сторон.

Первое плавание. Первая заметка в газете. Роль в фильме. Все это было, все это наша жизнь, о которой нельзя забыть.

— Помните, как Сережка Молчанов пришел позже всех, весной. Клинок он вертел в руке, ну примерно как швабру, а потом...

— Ну чего смеетесь? — не выдержал Сережка. — Кто на меня? Пожалуйста! Я мигом!

— Беги скорей за шваброй! — посоветовали ему.

А Володя Соколков вспомнил, с каким опасением в первый раз сел в яхту. Все в ней казалось непрочным. Вот возьмет и рассыплется на самом глубоком месте...

Многое может вспомнить один мальчишка. А если это целый отряд? Вот и сидим мы в тесном купе, вспоминаем. Поем отрядные песни. Это ведь тоже история. Среди песен есть уже пожилые, родившиеся в первые дни, а есть совсем молодые, как «Синий краб» или песня к нашему фильму «Остров сокровищ». Настоящий музыкант, наверное, заткнул бы уши, услышав это пение. Но, ничего, зато стараемся от души.

Если вдруг покажется
Пыльною и плоскою,
Злой и надоевшею
Вся земля,
Вспомни, что за дальнею
Пыльною полоскою
Ветер треплет старые
Марселя...

И не верится, что было время, когда отряда не было. Не верится, что когда-то паруса были только мечтой.

...Помните, палаточный лагерь под Среднеуральском в 1968-м? Кажется, обыкновенный поход (сколько их было!), но именно там, на берегу Исетского озера, мы построили первый парусник. Помните тот неуклюжий катамаран из старых автомобильных камер? Сначала это был плот, с которого хорошо нырять. Когда купаться надоело, кто-то решил поплавать на нем. Приходилось перебегать с одной шины на другую, чтобы плот не крутился на месте, а передвигался хоть в каком-нибудь направлении. Когда между камерами поставили шест, кто-то крикнул:

— Смотрите! Как мачта!

Мачта была кривая. Но ничего... На ней появился парус — старая плащ-палатка.

Смешно ходил этот первый парусник — боком, все время виляя. У него были такие неопытные капитаны. И все-таки неуклюжий катамаран образовывал маленький бурун, который походил на те, что взбиваются форштевнями больших настоящих кораблей.

Первое плавание под парусом. А потом мы сидели у костра. Был уже вечер. Слава рассказывал о море, о кораблях. Развалившись на траве, мы слушали. Многие тогда еще не читали романов Жюля Верна, Стивенсона, Саббатини. В тот вечер мы впервые узнавали о них. В этих книгах бушевало мо-

ре и выплывали парусники, окутанные пороховым дымом. Там были романтика, пираты и сражения у неведомых островов. А у берега слегка покачивался наш парусник. Вода, сверкающая от света луны и костра, с глухим шумом билась о его резиновые борта. Быть может, это и был первый день нашей флотилии. Именно тогда мы поняли, что не сможем жить, не увидев настоящее море, не проверив, правда ли оно соленое. Захотелось почувствовать под ногами ускользающую палубу, постоять на вахте у штурвала.

В программе отряда появился пункт: «Каждый член отряда должен побывать у моря». И вот группы ребят стали совершать поездки в Ригу, в Ленинград, в Севастополь. А самое главное, появились свои корабли. Мы стали изучать морское дело. И не только по книгам. Совались даже в такие штормы, в которые сейчас, став опытными рулевыми, пожалуй, не выйдем.

Отряд становился морским.

Может, это покажется странным, но ради осуществления мечты о больших плаваниях иногда приходилось отказываться от столь желанной поездки к морю, от личных планов. Однажды произошел гакой случай. Была практика. В это время опытные командиры учат новичков управлению парусами. Таким командиром был и Андрей Шуклин. А родители приготовили ему сюрприз. Они решили поехать на юг и взять его с собой. Представляете их удивление, когда Андрей вдруг наотрез отказался от поездки. В чем дело? Почему сын не радуется? Ведь можно будет позагорать под крымским солнышком, поплавать, покататься на прогулочном катере, половить рыбу, крабов.

— Но ведь практика! — объяснял Андрей родителям. — Понимаете, меня учили столько времени, чтобы я мог помочь новичкам. И вдруг я уеду.

Родители не понимали.

— Разве без тебя не обойдутся? И кроме того, уже билет куплен!

Андрей сел на кровать и твердо сказал:

— Не поеду.

Флотилия вышла в плавание в полном составе. А в конце практики на итоговой линейке новичкам из экипажа Андрея присваивали звание яхтенных матросов. Они стояли торжественные и счастливые, посматривали на своего командира, который волновался еще больше их. Он, открывший ребятам дорогу к морю.

...Тринадцать лет отряду. Много или мало? По-моему, возраст самый мальчишеский.

А ЗА ОКНОМ...

Поезд отстукивает равномерный такт. На одном разъезде задержались на пять минут. Остановились возле вагона, в тамбуре которого сидела овчарка. Было очень жарко. Она, наверно, хотела пить, но не могла уйти, потому что была на службе. Когда Генка позвал ее, она посмотрела на него печальными, умными глазами: «Не могу, брат, я на посту. В свободное время поиграла бы с тобой, а сейчас не могу». Овчарка легла и положила свою большую голову на лапы, стала грустить. Поезд тронулся, и овчарка стала удаляться от нас вместе с вагоном. В конце этого же вагона я увидел сторожа. Он охранял современные «Жигули» доисторической винтовкой, которой галок гонять, а не воров. Вскоре и сторож остался позади, и станция.

Андрей СКЛЯР

...Проснулся перед рассветом. Мы ехали по огромному полю. Над травой поднимался утренний туман. Восход был красивый, розово-оранжевый.

Сергей ЯЗЫКОВ

«БАНДЕРИЛЬЯ» *

Лети, «Бандерилья», навстречу волнам,
Пусть ветер попутный сопутствует нам.

---

* «Бандерилья» — название сказочной каравеллы. С игры в эту сказку начинался наш отряд.

Разрежь, «Бандерилья», форштевнем волну,
Снеси нас на крыльях в большую страну!

Все взрослые люди пусть вспомнят о ней,
О песне счастливых и солнечных дней.
Причаль, «Бандерилья», к острову Детства,
Наполнены сказками поле и лес там!

Алексей УСОВ,
когда ему было двенадцать лет

**Ирина МЕЗЕНЦЕВА,
Флагман «Каравеллы»,
журналист, стаж в отряде —
тринадцать лет**

ДАВАЙТЕ ПОЗНАКОМИМСЯ

Вахтенному командиру. Сергей. в 12.30 придут два новичка. Посмотри, что за люди. Покажи все и расскажи. Дай понять, что романтика романтикой, но полы драить тоже придется.

Вахтенный журнал «Каравеллы» № 17, с 6, графа «Замечания капитана»

Все-таки на свете бывают чудеса! И это здорово...

...В отряд пришла очередная комиссия. Долго присматривалась к расписанным в морском духе стенам, тщательно изучала отрядные альбомы с фотографиями и вклеенными документами, читала стенную газету «Петушок» и испуганно оглядывалась на вахтенных, которые мыли пол и гоняли всех из угла в угол. Когда вахтенные отходили подальше, комиссия задавала вопросы. Ребята отвечали обстоятельно и вежливо. Только так можно было замаскировать свое отношение к очередной проверке и к вопросам, которые даже малыши могут повторить наизусть:

— Как учатся ваши ребята?

— Есть ли у вас неуспевающие?

— Как вы работаете с «трудными» детьми?

— Кем становятся ваши выпускники?

— Приходят ли они в «Каравеллу»?

Саша Шильников, вздохнув, начал рассказывать о выпускниках:

— Наши ребята...

И вот тут-то произошло чудо! Оно было одето в настоящую морскую форму и разговаривало голосом Сергея Новоселова:

— Салют «Каравелле»! Флагман Новоселов с действительной службы прибыл!

До двери надо было идти еще несколько метров. У него не хватило терпения, и он возник прямо в окне — флагман Серега, только что сошедший с поезда, еще не побывавший дома, один из самых-самых первых...

Комиссия была очарована. Серегин морской бушлат и его

сияющая улыбка рассказали о судьбе выпускников больше, чем все объяснения и фотографии:

— Салют, «Каравелла»! Мы всегда с тобой!

На дальнем юге, среди песков и жары, служит на пограничной заставе первый отрядный знаменосец Алька Сидоропуло. В Ленинградский кораблестроительный институт поступала упрямая Оля Ежова. Не поступила, но осталась работать в институте гардеробщицей, чтобы учиться на заочном. Курсант военно-политического училища Александр Бабушкин готовится стать офицером и хочет служить у моря. Учится в медицинском училище бывшая санитарка Оля Свалова.

— Салют, «Каравелла»!

А один мальчишка был в отряде долго, но выпускником «Каравеллы» так и не стал. Сам не захотел быть членом отряда. А потом встретил как-то в троллейбусе бывших товарищей и стал им горячо объяснять:

— Я думал, там готовят в мореходку, в училище морское! А никто об этом и не заботится!

Может, он и попадет в мореходку. Многие ребята из «Каравеллы» тоже об этом мечтают. Только ведь мечтать-то можно по-разному. Один с пятого класса заботится о том, чтобы его мечта стала увесистой. Для этого подкрепляет ее всякими справками, характеристиками и дополнительными занятиями с солидным репетитором. А другому просто показалось однажды, что вон оттуда, из конца переулка, потянуло соленым морским ветром. Он пошел туда и действительно увидел море...

Только этого еще мало — просто увидеть его. Надо еще не потерять, сохранить его в своей жизни навсегда, надо научиться быть верным ему...

Игорь примчался и чуть не упал на пороге. Из его школьного пиджака и брюк, не по росту длинных, собравшихся гармошкой, можно было выжимать воду.

— Что случилось? — спросили его.

— Я... не опоздал? — переводя дыхание и вытирая пот с лица, спросил он. — Запись в отряд еще не кончилась?

Третьеклассника умыли, усадили за стол, рассказали о легкой отрядной форме, в которой безопасно бегать и на более длинные дистанции. А потом...

Стоит, салютуя знаменам, ровная шеренга мальчишек с пионерскими галстуками. В шортах, черных рубашках с морскими нашивками. Идет отрядная линейка. На ней представляют новичков:

— Знакомьтесь, ребята, это Игорь!

И начинается для Игоря совершенно новая, необычная, беспокойная жизнь. Сначала все кажется интересным и захватывающим: синие куртки капитанов и штурманов — ветеранов отряда, которым по 13—14 лет, вахтенный журнал, настоящий скрипучий штурвал, который, говорят, везли из Севастополя, потрепанные белые паруса, сложенные в углу для ремонта, разговоры о летних плаваниях и приключениях. Самое трудное начинается потом. Снимают свои синие куртки и Серега Языков, и Андрей Шуклин — работать удобнее без них. Почти половину отрядного помещения занимает громадная шлюпка. Из нее к весне должен получиться тендер с множеством парусов, каютой, рулевым управлением — вполне мореходный корабль. А для этого нужно корпеть над чертежами, возиться с рубанком и ножовкой, строгать и пилить — каждый день, каждый день...

И прежде, чем сделать четкую, лаконичную запись в настоящем вахтенном журнале, надо как следует провести свою вахту: прибрать в рубке и фотолаборатории, приготовить все необходимое для занятий групп, ответить на десятки телефонных звонков, принять гостей, помыть пол, разложить по полкам книги из отрядной библиотеки.

А еще юнкоровские занятия и морское дело. Съемки очередного отрядного фильма. Выпуск еженедельной газеты «Петушок». Специальные юнкоровские занятия — ведь во все времена отряд был и остается коллективным корреспондентом журнала «Пионер».

Случается, что кто-то из новичков не выдерживает и уходит. Кто-то честно признается: «Не тяну». Кто-то начинает путано объяснять, что мечтал о море, а в «Каравелле» моют пол, пишут заметки и строгают доски. И что лучше не тратить на все это драгоценное время, а заниматься только уроками: в мореходках большой конкурс.

О таких ребятах никто в отряде не жалеет. Им ведь только кажется, что они мечтают о море. По-настоящему мечтать они не умеют. У настоящей мечты должны быть крепкие мозоли: от мокрых шкотов летом и рубанка зимой. Ведь море начинается с усталости от работы, с упрямства, которое может построить из захудалой шлюпки настоящий корабль, с четкости и дисциплины. А все это и есть «Каравелла»...

Здесь не готовят никого в моряки и в журналисты, не дают никаких специальных характеристик, которые помогли бы кому-то получше устраивать свою жизнь. «Каравелла» учит другому: быть верным тому, о чем мечтается в детстве. Просто почему-то получается так, что чаще всего мальчишки (и даже девчонки!) мечтают о море.

Когда-то так мечтал о нем командор «Каравеллы» Слава Крапивин. Он жил в городе, где деревянные тротуары были теплыми от солнца и пахли полынью. Потом он вырос и стал писателем, повидал и Черное море, и Балтийское, и Карибское... Но оказалось, что и в больших городах, залитых асфальтом, мальчишки все так же ждут, когда подует муссон. Сначала у Славы было всего несколько таких товарищей-мальчишек. (Теперь это те самые выпускники.) Потом их стало много-много, целый отряд...

Никто из членов «Каравеллы» пока не стал капитаном дальнего плавания, но наверняка это еще будет.

— Как же так? — спросит кто-нибудь. — Стоило ли тогда мечтать?

Еще как стоило! Человек, который в детстве мечтает о море, думает вовсе не о том, как бы ему искупаться в соленой воде. Он мечтает о дальних странах, о приключениях, о верных друзьях, о крепком и сильном ветре.

У «Каравеллы» — своя флотилия. Шесть яхт, управлять которыми умеют все, разве только кроме новичков. У стряда много друзей: моряки, журналисты, художники. О дальних странах они рассказывают не менее увлекательно, чем книги.

Ну а если человек приходит в отряд так, как Сергей Новоселов, не заглянув домой, значит, есть здесь у него надежные друзья. Значит, это ЕГО отряд. Его и всех ребят, которые верны нашим знаменам.

...Стоит отрядный строй. Сергей Языков, известный в отряде изобретатель, редактор и поэт. Вообще-то он мечтает быть летчиком. Алеша Усов, который хочет быть вожатым. Андрей Скляр — совсем еще молодой капитан, наш отрядный Дед Мороз. Многие в день рождения обнаруживали у себя подарки, сделанные... Неизвестным. Галка Цветкова — на новогодний праздник она принесла свою скрипку и сыграла «Аве, Мария». Саня Шильников — уже ветеран. Когда он пошел в пятый класс, отряду пришлось вступить в долгие переговоры с его школой: Саньку записали в класс с немецким языком, а ему нужен был английский. Человек уже в пятом классе знал, что будет поступать в морское училище.

А рядом — те, кто в отряде недавно. И новички. Шеренга пока не ровная. И форма не у всех еще в порядке. Но вот раздается команда:

— Внимание!.. Барабанщики, марш!

Строй дрогнул и с пионерским салютом подался вперед. Как будто шагнул вслед за барабанным сигналом.

Каждую неделю будет звучать эта команда, устремляющая отряд вперед. Шеренги будут крепнуть и становиться стройней. В первомайский парад они пройдут по городской площади, чеканя шаг в такт барабанному маршу.

А пока...

— Ребята, знакомьтесь. У нас появился новичок. Зовут его...

И...

— Барабанщики, марш!

ТЫ ПРИШЕЛ В ОТРЯД...

Юнкор, внимание!

Ты вступаешь в отряд и принимаешь его устав. Сейчас тебе все кажется интересным: форма, блестящие нашивки, морские приборы, рассказы о походах и путешествиях, звон рапир.

Но запомни: жизнь в «Каравелле» — это не праздник. Через две недели форма может надоесть, рапира покажется тяжелой, а летние плавания — далекими и несбыточными.

Будет трудно. Иногда будет очень трудно и очень неинтересно, потому что умение управлять парусами, умение владеть клинком требуют упорных занятий. А корреспондентские задания, которые ты будешь выполнять, — это всегда серьезная работа.

Иногда будет страшно. Могут найтись люди, которые по глупости или из-за зависти будут мешать твоей жизни в «Каравелле». Тебе может показаться, что они больше и сильнее. Придется отстаивать честь пионерского галстука и отряда, честь знамен и законы «Каравеллы». Сможешь?

Подумай. Лучше отказаться сейчас, чем бросить отряд потом, испугавшись трудностей.

Введение к уставу «Каравеллы»

Здравствуйте, дорогие ребята!

Пишет вам ученица шестого класса из города Каменска-Уральского. Я очень люблю море и с огромным удовольствием читаю книжки о морских приключениях. Я даже сама пишу книжку о пиратах. Написала уже восемь глав.

Мне хочется, чтобы во дворе у нас кто-нибудь любил море. Но все считают, что оно существует только для того, чтобы плавать в нем и загорать на его песчаных и каменистых пляжах.

Ребята, мне очень хочется вступить в ваш отряд. Но как

это сделать? Ведь между нашими городами три часа езды! И примете ли вы меня?

До свидания, ребята!

Валя ДАНИЛЕВИЧ

Послесловие

Несмотря на далекое расстояние, Валя стала ездить в отряд. Она уже прошла парусную практику. Ей присвоено звание подшкипера.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

Однажды мы писали в школе отзывы на книги В. Крапивина, и я получил трояк. А тут нам сказали, что в школу приедет писатель Владислав Крапивин. Я думал, он начнет за тройки ругать, а писатель пришел, взял стул за спинку и стал рассказывать про свою жизнь, про отряд «Каравелла».

Мне очень захотелось в отряд, но мама сказала, что я никуда не пойду, а буду продолжать заниматься фехтованием в детской спортивной школе.

Я стал ходить в отряд потихоньку от мамы. Некоторые занятия в детской спортивной школе совпадали с занятиями в отряде, и я совсем замотался. Однажды мама работала в ночную смену, и у меня появилась возможность пойти на отрядную линейку. Но мама вышла из дома поздно, и я опоздал.

Вот так я и жил, пока не рассказал свою тайну бабушке. Дедушка мой был моряком, поэтому бабушка поняла меня и стала тоже уговаривать маму. Мама согласилась с условием, что я буду лучше учиться, и еще со всякими другими условиями.

В общем, только после многих-многих неприятностей стал я постоянным человеком в отряде.

Олег ОГНЕВ

СНАЧАЛА Я МЕЧТАЛ..

Хотя я учился в музыкальной школе, но мечтал о море. Оно представлялось мне не мрачным и безжизненным, как иногда показывают в кино или рисуют на картинах, а ласковым, даже когда бушует. Если заглянуть под толщу воды, то там, конечно, жизнь в полном разгаре. Я стал читать книги в основном о моряках, кораблекрушениях, ну, короче, обо всем, что связано с морем.

Однажды на Верх-Исетском озере я увидел вдали от берега яхты. Они очень красиво плыли, и я спросил:

— Кто это ходит на яхтах?

Мне ответили, что это мальчишки чуть постарше меня из какого-то отряда «Каравелла». Я учился тогда во втором классе, но очень захотел попасть в отряд. МОРСКОЙ отряд. Но меня не пускали, говорили, что нужно больше заниматься музыкой. Я все настаивал. А когда узнал, что мой друг, Боря Родыгин, зачислен в отряд, никакие уговоры и угрозы не смогли меня удержать. В шестом классе я стал членом пионерской флотилии «Каравелла» и сейчас изучаю морское дело, хожу под парусами.

Алеша СКВОРЦОВ

ПОЧЕМУ ТАКОЕ ИМЯ?

— «Петушок»? Странно...

Двое фыркнули. Трое сказали: «Фи». Остальные просто удивились.

А правда, почему «Петушок»?

Разговор о названии отрядной газеты шел на корреспондентских занятиях.

— Может, «Калейдоскоп»? — предложил кто-то.
— «Морс»! Так моего кота зовут!
— «Скука»!
— М-да, — грустно сказала редакция. Но слушать продолжала. А вдруг?..
— «Флюгер»!
— Не пойдет, — скептически сказала редакция. — Он все время вертится, куда ветер подует. И вообще...
— Зато ему сверху все видно.
— Подумаешь! Какому-нибудь петуху на заборе тоже все видно.
— Одноглазому и ободранному...
— Почему одноглазому? — обиделась редакция. — Очень даже симпатичному, воспитанному петушку. Когда что-нибудь случается, он кричит: «Ку-ка-ре-ку!»
Так родился «Петушок».
А почему бы и нет? Разве помешает его задиристое и ехидное «ку-ка-ре-ку»? А если пойдут в атаку наши недруги, разве не будет подспорьем его острый клюв?
Так что, умолкните, скептики!
КУ-КА-РЕ-КУ!

Редакция
(«Петушок» № 1)

«TAMBÚRILLEROS, ADELANTE!»

Эти слова означают: «БАРАБАНЩИКИ, ВПЕРЕД!» Так написано на нашей главной стене в кают-компании. Все самое важное про отряд можно узнать, когда посмотришь на эту стену.

Вот картина про барабанщика... Он погиб в бою. Он, наверно, шел первым в этот бой.

На стойках стоят шпаги. Шпаги — это наше достоинство, это самое благородное оружие. А оружие нам необходимо, чтобы учиться быть защитниками страны.

Рядом висят барабаны. Без них нам никак нельзя, потому что мы тоже хотим всегда идти первыми, как барабанщик на картине, хоть это и опасно.

Сережа МОЛЧАНОВ, Андрей СКЛЯР, Костя СУББОТКО

КАК МЕНЯ ПРИНИМАЛИ В ПИОНЕРЫ

Мы с ребятами давно готовились к вступлению в пионеры. Учили законы и Торжественное обещание. Мы очень старательно готовились к этому необыкновенному дню. И вот этот день наступил. Началась отрядная линейка. Внесли знамена, а потом я стал рассказывать Торжественное обещание юного пионера Советского Союза. Как я его рассказал, мне сразу же повязали галстук и дали красную книжечку с удостоверением, что я принят в пионеры в отряде «Каравелла». Когда все ребята повторили Торжественное обещание, мы встали в строй. И тут же Славик сказал «Решением своего отряда присвоено звание штурманов Вове Поличинскому и Вове Свалову». Вова Поличинский вместе со мной состоит в знаменной группе нашего отряда. Мы с ним очень обрадовались.

Потом знамена вынесли, и линейка окончилась. Но, хоть линейка тогда и быстро окончилась и с тех пор прошло почти два года, я эту отрядную линейку запомнил навсегда.

Вова СВАЛОВ

ЗНАМЕНА ПРЕСС-ЦЕНТРА «КАРАВЕЛЛА»

Пресс-центр «Каравелла» — корреспондентский пионерский отряд журнала «Пионер» — имеет три знамени:

1. «Пионер» — корреспондентское знамя отряда Вручено редколлегией журнала в марте 1967 года при выполнении первой юнкоровской программы в обмен на Большой Флаг отряда «Ветер».

2. «Каравелла» — морское знамя отряда. Принято в январе 1968 года во время вступления пресс-центра в ряды морских юношеских объединений, клубов и флотилий.

3. Пионерское знамя пресс-центра «Каравелла» подготовлено для отряда редколлегией журнала в сентябре 1969 года. Знамя нового образца. Вручено отряду в знак его принадлежности к Всесоюзной пионерской организации имени В. И Ленина.

Знамена находятся в ведении и под ответственностью только совета капитанов «Каравеллы».

БАРАБАНЩИКИ «КАРАВЕЛЛЫ»

Мои друзья — барабанщики. Хорошие такие, веселые.

Если рассматривать их по одному, то у каждого свой характер, свои привычки и свои недостатки. Пашка Крапивин, например, славится у нас своей медлительностью. Его товарища, Алешку Смольникова, наоборот, постоянно приходится сдерживать, а то он всюду носится и вот-вот разобьет себе голову. Однажды, впрочем, он так и сделал. Как-то раз он выпрыгнул с третьего этажа и... остался целым, невредимым. Мальчишки в школе не поверили, стали смеяться над Алешкой. Тогда он взял и прыгнул из окошка со второго этажа. Внизу был асфальт, и легкомысленная Алешкина голова получила сильное сотрясение.

Но самый смелый барабанщик — это Димка Конюхов. Во всяком случае, так считает он сам. Говорит, что убил бы даже дикого быка, если бы тот не убегал от него. Еще Димка у нас самый обидчивый, даже больше, чем я. Дуется и готов зареветь из-за каждого пустяка. Но обида у него быстро проходит.

Все-таки они все отличные люди. Ведь барабанщикам приходится начинать все линейки, идти впереди отрядной колонны. Они всегда на виду. Если барабанщики хорошие, то весь отряд при виде их как бы подтягивается.

Пашка Крапивин еще только перешел в третий класс, когда его на улице схватили взрослые парни и стали стаскивать форменный ремень. Пашка отбивался, только где ему справиться с такими дылдами. Мимо проходил Алешка Смольников, который на вид даже меньше Пашки. Увидев, что Пашке приходится туго, он не стал раздумывать, что силы неравные, а ринулся в бой. Двое малышей так яростно молотили противников, что те разбежались. Так победил маленький отряд барабанщиков.

Максим ЯЗЫКОВ,
командир группы барабанщиков

Александр БАРМИН,
штурман «Каравеллы», восьмиклассник,
стаж в отряде — три года

КОГДА НАЧИНАЕТСЯ ЛЕТО?

Как бы крепко ни спали мы,
Нам просыпаться первыми,
Лишь только рассвет забрезжит
В серой весенней дали...

Из отрядной песни

Когда начинается лето? Может быть, этот вопрос приведет в недоумение читателей, незнакомых с отрядной жизнью. Может быть, многие подумают: «Ведь это знает каждый малыш. Ну там, травка начинает зеленеть, птички поют, без пальто можно бегать. Все очень просто. Что тут рассуждать! В крайнем случае, если все вышеназванные приметы вас не устраивают, то лучше всего достать календарь и посмотреть, сколько еще дней осталось до долгожданных каникул. Вот и все».

А я вам скажу, братцы, что все это — не то. Конечно, эти приметы имеют немаловажное значение в обыкновенной жизни, ими пользуются многие люди, но у нас в отряде они не годятся: наверняка проспите лето. У нас есть свои, проверенные и испытанные годами признаки. Человеку, не знающему их, ой как тяжело в отряде.

22 марта весь отряд собирается на торжественную линейку. Часто даже приезжают гости. Что же это за торжество?

Вопрос законный. Не все знают, что 22 марта — день весеннего равноденствия. День, когда отступает зима, когда ночь становится короче. День, когда заканчивается зимняя программа отряда «Каравелла». Кончаются регулярные занятия по морскому делу, по фехтованию и по юнкоровскому, литературному делу. В этот день Слава говорит:

— Братцы, скоро лето!

Скоро лето, и, — значит, главное, с этого дня — ремонт судов. Командиры яхт ищут новые снасти: фалы, шкоты, раксы и блоки. Уйму различных мелких и крупных вещей. Все надо достать, приготовить, сделать, починить.

Скоро лето — и, значит, расправляются складки слежавшихся за зиму парусов.

Скоро лето — значит, весь отряд переходит на летнюю форму. Целый день трещат, не успев остыть за ночь, телефоны, словно пулеметы на поле боя. День и ночь самоза-

бвенно отражают наши флагманы атаки учителей, директоров, завучей; классных руководителей, родителей и общественников.

— Понимаете, нашим ребятам закаляться нужно. Во время плавания свежий ветер, резкая смена температуры. А они нажарятся в шерстяных брюках и пиджаках — потом простужаются.

— Нет, нет, нет! Есть единая школьная форма...

Скоро лето — значит, отправляются первые группы на базу; к нашим родным швертботам и шлюпкам. Когда сойдет лед, приводить суда в порядок будет поздно.

Увидев в автобусе мальчишек, водители начинают привычную атаку:

— Ну-ка, где ваши билеты? Наверняка неправильно деньги опустили! Отойди от окна, тебе говорят!..

Приходится вежливо объяснять, что мы, правда, мальчишки, но не жулики. Оскорблять нас никто не имеет права.

Кое-кто из водителей удивится отпору и поймет: оказывается, и у маленьких есть чувство собственного достоинства, и права тоже есть. С другими приходится ехать в автобусный парк и втолковывать это с помощью начальства.

Но, несмотря на все приключения, группа обычно добирается до базы. Сильно изменился пирс. Подтаял снег и лед. Уставшие под тяжким бременем зимы, с огромным нетерпением ждут яхты первых посланцев. Матросы и капитаны, деловито их осмотрев, принимаются за работу. Надо снять остатки снега, очистить корпуса от грязи и мусора, прошпаклевать, покрасить, поставить мачты.

Вот они, наши красавцы яхты! Сразу стали стройней и горделивей. Среди них — самое дорогое детище отряда — шлюпка «Африка».

Ее привезли в отряд на машине весной 1973 года. Шлюпка была старая, с прогнившими досками, облупившейся краской. Банки — скамейки для матросов — оскалились рядами острых заноз. Первое время я даже обходил стороной обшарпанное чудовище: мало ли что может случиться. Один товарищ дружески похлопал шлюпку по борту — дыра получилась.

Но долго обходить ее стороной не пришлось. До практики всего полтора месяца, а тут такой разгром, что смотреть жутко. И взялись за дело всем отрядом. С одинаковым рвением драили борта шлюпки и новички и ветераны. Брали в руки скребки и... лучше не вспоминать. От шлюпки не отходили день и ночь. День и ночь несли в отряд материалы для ремонта.

Шло время — двигалось вперед строительство шлюпки. Залатали борта, обили жестью киль, сделали новый фальшборт. Началась борьба с занозами. А то какой-то новичок решил покататься на банке, наверно надеясь на прочность своих штанов. Радостным визгом выражал он свой восторг. Но скоро дом огласился воплем несколько иного тембра и высоты. Именно там, где у большинства мальчишек рвутся штаны, торчала здоровенная щепка.

Шлюпку зашкурили, зашпаклевали, покрасили. Угроза заноз исчезла. Но долго еще не смывались ярко-желтые пятнышки от нитрошпаклевки на руках.

Для шлюпки нужна была мачта. Ее, конечно, надо было сделать самим. Еще не было случая, чтобы какой-нибудь добряк приносил в подарок мачту. Сначала несколько дней склеивали и сколачивали длинные доски. Когда клей высох, капитаны собственноручно взялись за работу. В торжественной обстановке, окруженные любителями острых ощущений, приступили они к изготовлению мачты. Стружки сыпались и сыпались на пол, разлетались по всему отряду. Мачта и рубанок пели дуэтом, капитаны им подпевали в такт работе. Вахтенные стонали, вытаскивая десятки ведер стружки.

Несколько часов продолжался созидательный процесс. Вскоре горы стружек зашевелились, и оттуда вылезла доблестная капитанская группа. Все присутствующие сразу поняли: дело сделано.

Красавица шлюпка, покачиваясь на кругляках, двигалась от усилий множества ребят, одетых в шорты, легкие рубашки с пионерскими галстуками.

— Раз, два — взяли! Еще взяли!

Вот шлюпка уже у пирса.

— Еще взяли!

Последние усилия — и шлюпка скользит по гладкой наклонной плите, уходящей в воду.

— Еще взяли!

Шлюпка касается воды.

— Еще!..

Шлюпка спущена.

Знайте все: лето началось!

...И ПОЯВИЛСЯ «СИНИЙ КРАБ»

Рассказы, стихи ребята писали давно. В отряде пылилась и большая папка с рисунками. Издавать периодически литературно-художественный альманах стало необходимостью. Вот он и появился 29 мая 1972 года.

Больше всего мучились над названием. А потом вспомнили отрядную песню про мальчишку, которому приснился краб. Не обычный, а синий. Мальчишке очень захотелось найти этого краба, просто посмотреть на него и отпустить. «Синий краб» — лучшего названия не придумаешь, потому что большинство наших рассказов и рисунков были сказочными, в них мы мечтали о самых необыкновенных вещах.

Теперь номеров альманаха уже много. Они становятся все более толстыми, красочными. И в каждом на первой страничке — слова из песенки о «Синем крабе».

НАСТАВЛЕНИЯ О ПРАКТИКЕ ДЛЯ НОВИЧКОВ

По общему мнению всех, бывавших на парусной практике, она чем-то отличается от отдыха с мамой на даче или прогулки на лодочке с папой. (См. материалы о практике в «Синих крабах» №6 и №8.)

Думаете, сели на яхту и поплыли в свое удовольствие? Фигушки! Яхты для плавания снаряжать надо, в конце плавания разоружать, возиться с ними, если что-нибудь из строя выйдет.

Ну ладно, скажете вы, зато ходить под парусами — одно удовольствие. Конечно, если ветер есть и настроен по-дружески. А если он швыряет в вас холодными брызгами и норовит окунуть в холодную бездну?..

Подумайте, стоит ли рисковать вашей самой умной, самой хорошей головой. Думайте хорошенько — смыться еще не поздно.

Ну а если эти ужасы еще не привели вас в дрожь, если вы уж такие упрямые, впитывайте в себя накопленную нами мудрость — читайте наши наставления:

1. Если хочешь пойти ко дну, побольше улыбайся. Нептун веселых любит.

2. Если тонешь — хватайся за соломинку.

3. Когда узнаешь, что такое гик, не бей им того, кто этого еще не знает.

4. Если судно кильнулось, лезьте на шверт. Он выше всего над водой.

5. Если скажут: «Суши весла», — не старайся их выжимать.

6. Если очень жарко, а командор не разрешает купаться, можно применить такой трюк: при команде «откренивай!» перейти на подветренный борт. Прохладная ванна обеспечена!

7. Если случайно окажешься руками на одном судне, а ногами на другом, то не советуем падать в воду. Она холодная и мокр-рая.

Не падайте духом!

Желаем стать «старичками»!

Старые морские волки

А МЫ УХОДИМ, НАМ НЕ ДО ЗЕМЛИ...

(Подлинные воспоминания о практике 1973 года)

СТИХ!

Нет ветра... Жара да злой вид Командора!
Пропал у нас весь аппетит...
Дежурный кричит: «Нет круга запасного!
Кильнетесь — вот будет мне втык...»
Но тут, громыхнув за Бараном * немножко,
Дырявая как решето,
Огромная туча полила дождиком
Баран, а потом Малоконный... **
Дождь льется как из ведра!
О дождик! Поишь ты влагой всю землю,
Пьют лес, и поля, и трава!
О! Мои паруса!..

Сергей ЯЗЫКОВ

Леша Усов + мокро =
= Леша Мокроусов

---

* Географические пункты на берегах нашего озера.

...И вот началась практика. Плывем! И вдруг эта дырявая калоша «Андрюшка» под командованием Леши Усова стала вертеться у нас под носом, затрудняя наш ход и явно над нами насмехаясь. Мало того, Леша Усов решил нас обрызгать.

Тогда Юра набрал в ведро воды и брызнул в Лешу! Но вода не долетела, и Леша заржал, будто он конь, а не капитан.

Экипаж калоши, воодушевленный примером командира, начал лихорадочно брызгаться, а потом удирать. Но мы — ха-ха! — их быстренько догнали и отплатили должок! И пригрозили ведром! Но они на нас снова полезли.

Тогда Слава не выдержал такого нахальства и, выбрав момент, окатил Лешу с ног до головы! И Леша стал мокрехонек.

Это был уже не Усов!

Это был уже МОКРОусов!

Сергей МОЛЧАНОВ

СПАСАТЕЛЬНЫЕ КРУГИ

Спасательные круги — круги, изготовленные из кусков пробки и обшитые парусиной, прокрашенные масляной краской... Число кругов определяется типом судна, его размерами и характером плавания... Места расположения спасательных кругов: в первую очередь по одному с каждого борта капитанского мостика и в корме судна, остальные в наиболее видных и доступных местах.

К. И. Самойлов. Морской словарь, т. II, с. 327

На стене в отрядном помещении висят большие спасательные круги.

Они ни разу не бывали на парусных кораблях, не принимали на себя удары могучих волн. И тем не менее мы всегда показываем их новичкам и гостям. Эти круги — па-

мять о наших первых судах. На них латинскими буквами написаны названия яхт, которых уже нет: «Викинг», «Драккар», «Билли Бонс».

«Билли Бонс» был самым первым. Переделанный из моторной лодки, он выглядел довольно неуклюже. Зато служил верой и правдой. Ходил он под прямыми парусами — фоком и марселем — и брал на борт пятнадцать человек. Мы плавали на «Билли Бонсе» по Исети, Нижне-Исетскому пруду. Тесно стало в местных водоемах, захотелось более широких просторов, и мы решили перебираться на большое Верх-Исетское озеро. С «Билли Бонсом» пришлось прощаться. По морским законам он был затоплен и ныне покоится в водах Исети недалеко от Уктуса.

«Викинг» мы полностью делали сами. Из фанеры. Парусины у нас не было, но кто-то принес из дома простыни для парусов. Я тогда был еще новичком, к основной работе меня не подпускали. Но и ту небольшую работу, которая мне доставалась, я делал со старанием. Еще бы, я строил корабль! Первый спуск «Викинга» был на речке Патрушихе. Это, конечно, не море, но мы все равно волновались. «Викинг» резво побежал по воде. Теперь у нас было судно, на котором можно постигать тайны морского дела.

«Викинг» бегал и в больших водах, побывал в хороших, почти настоящих трепках. У него был очень упрямый нрав. Не всякому рулевому удавалось справиться с ним. Неопытные люди проклинали бедного «Викинга» за нерасторопность. А к нему просто особый подход был нужен...

Через четыре года «Викинг» состарился, и его разобрали на части. Ох, жалко было.

А «Драккар» погиб из-за чьей-то подлости. Совсем недавно. Эта яхта с резиновой оболочкой. В конце лета 1974 года, вернувшись из поездки на пароходе, мы увидели ее изрезанной ножом, без многих деталей, с поломанными стрингерами...

Кораблей нет. Но в память о них висят в отряде спасательные круги.

Саша ШИЛЬНИКОВ

ЯКОРЯ

Якорь — приспособление для удержания судна на месте при стоянке на свободной воде. Вес якоря находится в определенной зависимости от величины судна.

К. И. Самойлов. Морской словарь, т. II, с. 605

Якоря — это самое совершенное, что изобрело человечество.

Джозеф Конрад

Что такое морской якорь? Обыкновенный кусок железа? А вы не задумывались, как с помощью этого простого устройства удается держать на месте огромные лайнеры? Меняются века, на смену парусным кораблям приходят паровые, затем атомные. А якорь остается все таким же. Служит верой и правдой.

У нас в отряде тоже есть якоря. Когда новички или гости приходят в отряд, они трогают их руками и спрашивают на всякий случай:

— Это настоящие?

Конечно! Самые-самые настоящие. Один якорь из местных вод, с двухмачтового баркаса. А другой совершил путешествие в Свердловск из Риги.

Наши ребята принимали участие в операции «Нептун Балтийского моря», где соревновались детские флотилии. Там мы и приглядели этот якорь. Он лежал на палубе полуразрушенного тральщика, совсем бесприютный. Но хозяева у него все-таки были, и заполучить его мы не надеялись. Только ходили мимо и вздыхали. Какова же была наша радость, когда перед самым отъездом хозяева сжалились и подарили нам якорь.

Везли ценный груз в поезде. Вместе с нами в Москве он делал пересадку, а потому вместе с другими вещами лежал на платформе. Тут подошел к нам милиционер, который сказал, что это не положено, и потребовал убрать вещи. В противном случае он пригрозил, что сам их выкинет.

— Что ж, попробуйте, — сказали мы ему. — Начните вон с того якоречка.

Милиционер посмотрел внимательно на массивный якорь, прикинул свои силы, засмеялся и оставил нас в покое.

Теперь якоря лежат у нас в отряде на специальных подставках. Самые настоящие, большие. А на наших парусниках тоже есть якоря. Поменьше, но тоже прочные и надежные.

Сергей МОЛЧАНОВ

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ЛИНЕЙКА

Линейка параллельная — прокладочный инструмент, состоящий из двух обыкновенных линеек, соединенных двумя медными, одинаковой длины, тягами на шарнирах.

К. И. Самойлов. Морской словарь, т. I, с. 532

Этой линейкой очень любят играть новички. Ее части двигаются благодаря шарнирам и очень хорошо щелкают, будто пистолетный выстрел. Приходится объяснять новичкам, что это не игрушка, а важный морской инструмент. Она очень полезна при прокладке курса.

Параллельная линейка должна быть точной, а потому ей нельзя портиться от сырости, которая бывает от туманов или брызг, залетающих в иллюминатор. Для этого линейки делают из выдержанного твердого мелкослойного дерева, вываренного в парафине или масле. Тяги, винты и гайки делают из латуни и никелируют.

Нашему отряду параллельную линейку подарил экипаж учебного парусного судна «Кодор». На тягах выгравированно:

«Каравелле» от «Кодора».

А раньше для навигационных занятий нам приходилось самим делать параллельную линейку. Ее сколачивали из двух простых, ученических. И мы прокладывали учебные курсы кораблей.

Что поделаешь, иногда приходится изучать морскую науку и с такими инструментами.

Андрей ШУКЛИН

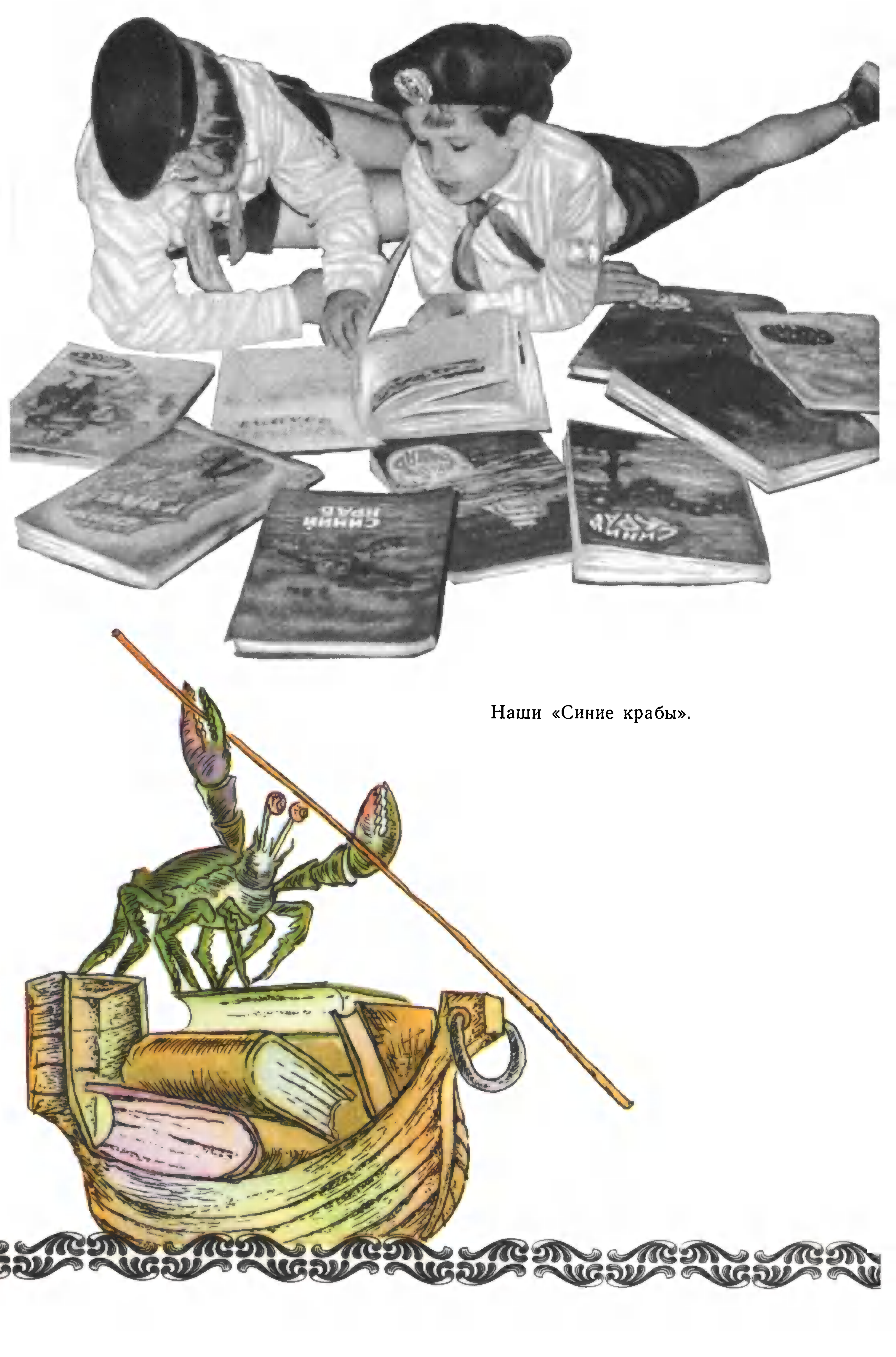
Москва — громадная, как море. Без карты не обойтись.

Так начинался наш «Остров сокровищ».

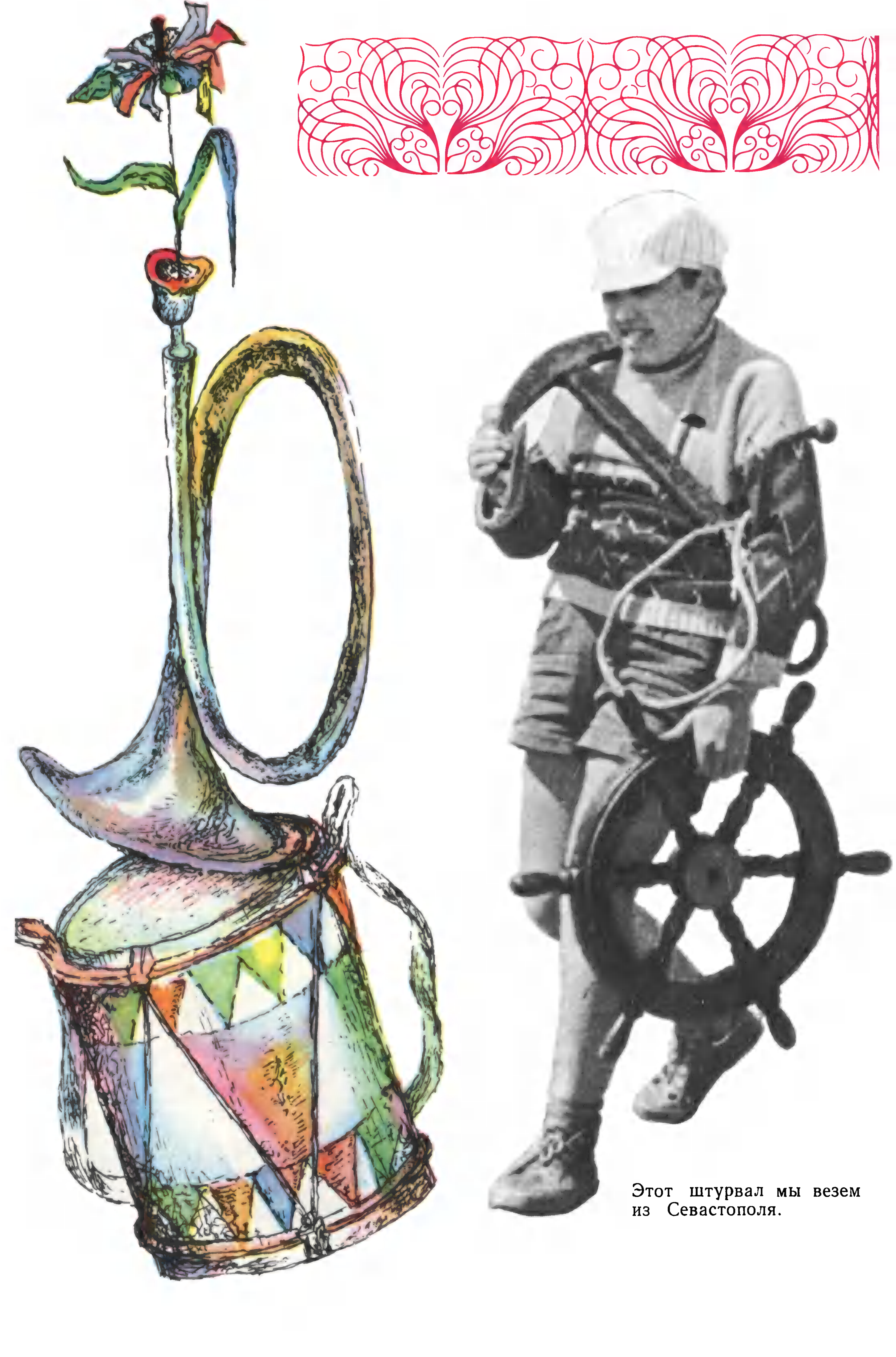
Том Беринг — сын капитана из рассказа А. С. Грина «Гнев отца». Про него мы тоже сняли фильм.

Наши «Синие крабы».

Вот так мы начинали —
на плоскодонной
посудине, с парусом
из простыни.

Этот штурвал мы везем из Севастополя.

Такой диплом получили все, кто прошел парусную практику.

ДИПЛОМ

Я, таинственная и легендарная Бабушка Пирата, подтверждаю, что

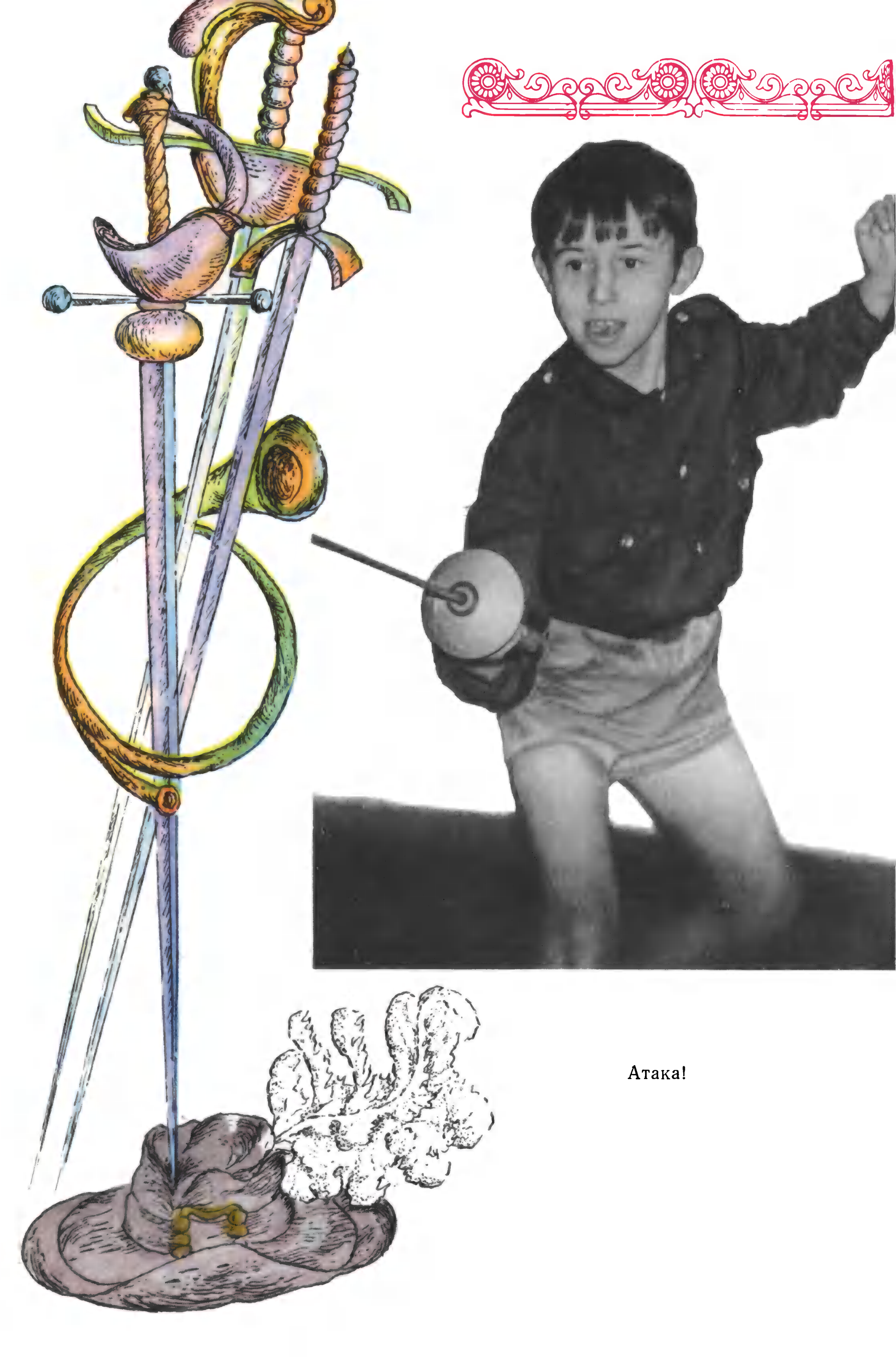
ФЛАГМАН

«СЕРГЕЙ ЦЫМБАЛЕНКО»,

несмотря на свирепые ветры, злые волны, пробоины и сломанные мачты, мужественно прошел испытания парусной практикой и удостоился звания морского внука.

БАБУШКА ПИРАТА

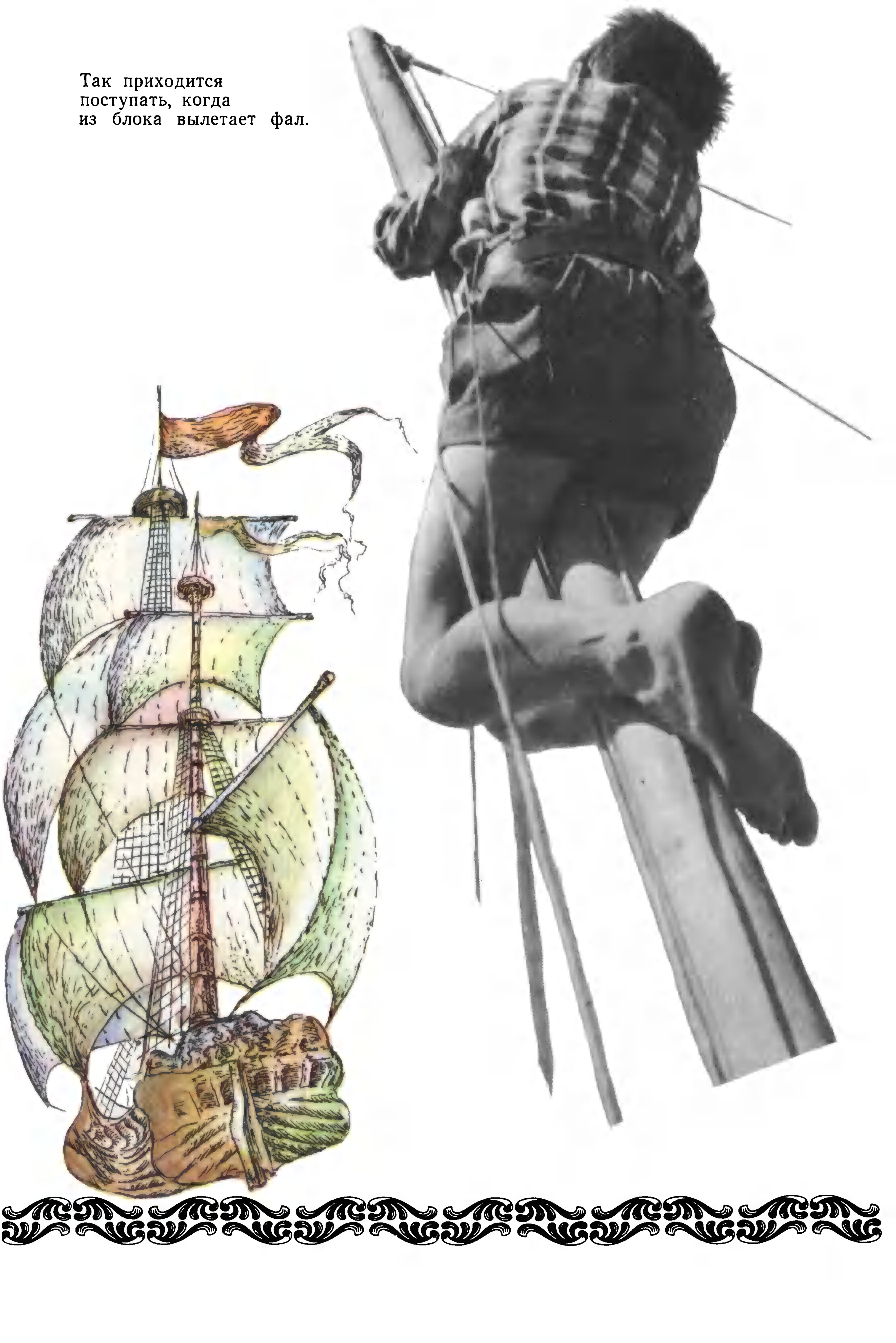
1 августа 1972 г.

Атака!

Наш «Дик Сэнд»
в первом походе.

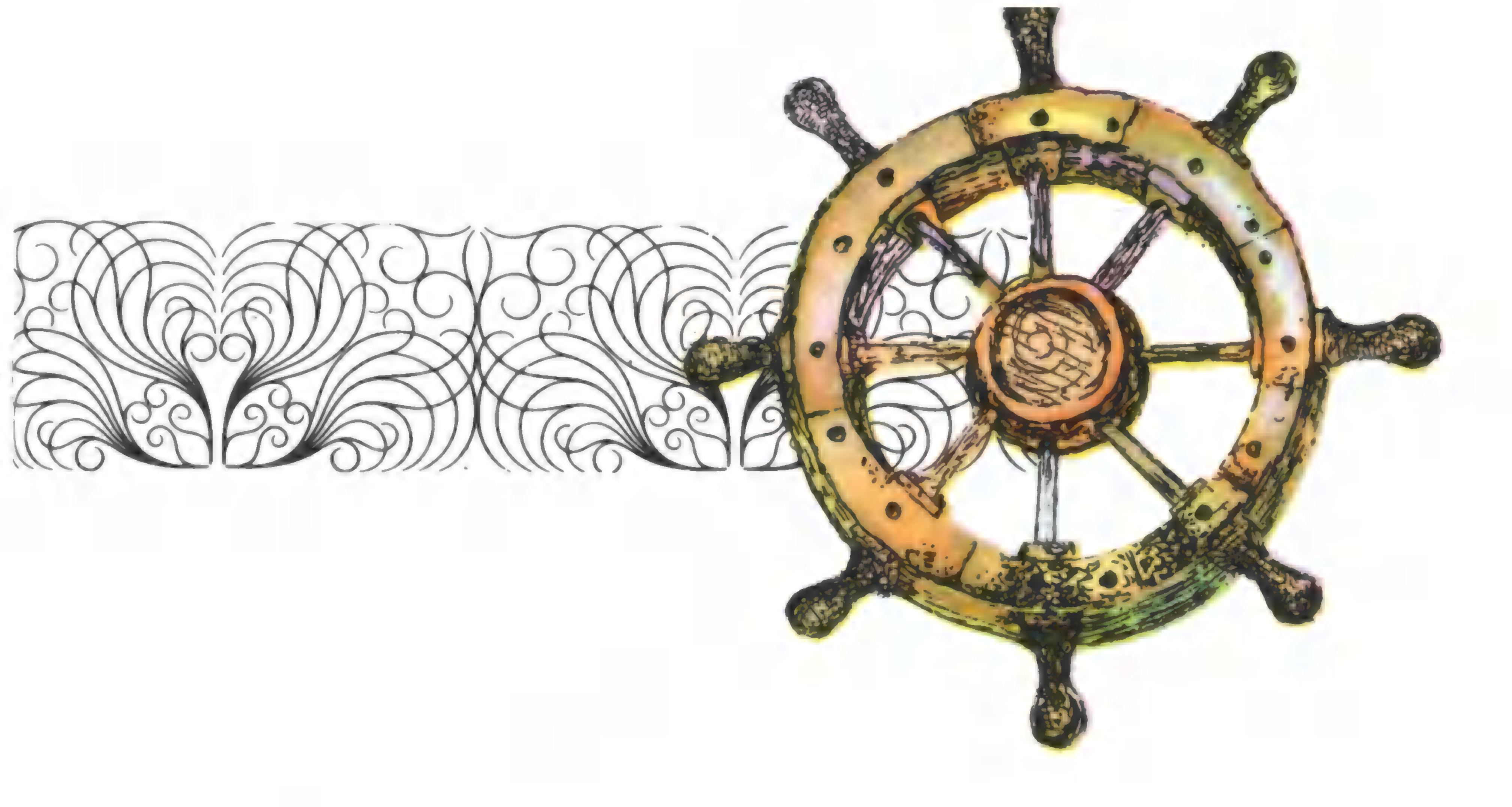
Так приходится
поступать, когда
из блока вылетает фал.

Флагман флотилии — «Пионер», наше самое быстроходное судно.

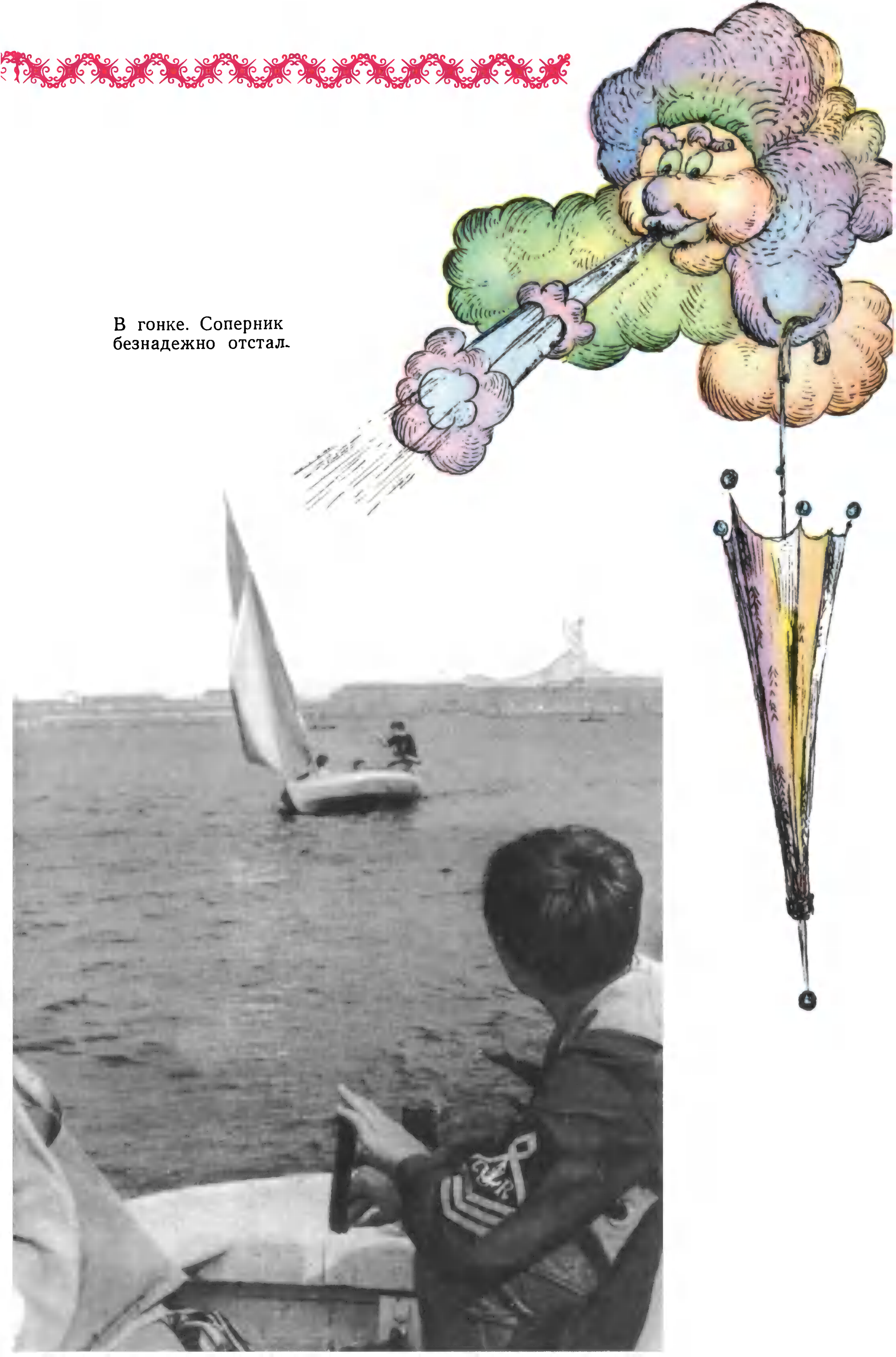
Московское эскимо.

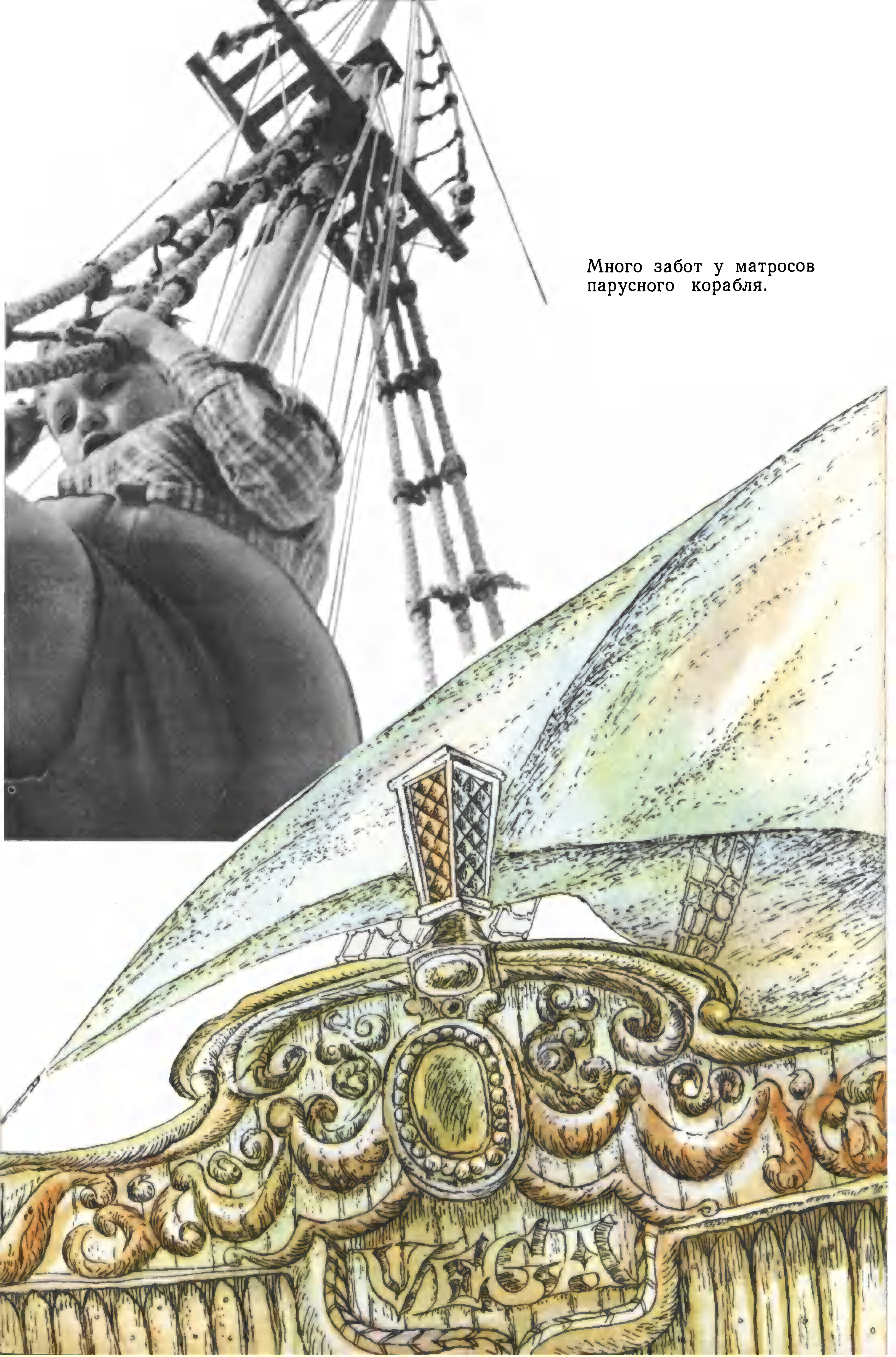
Вахта у барабанов.

Если чуть-чуть пофантазировать, можно почувствовать себя как в океане.

В гонке. Соперник безнадежно отстал.

Много забот у матросов парусного корабля.

ПЕРВОЕ КИЛЯНИЕ*

Как и все, я был когда-то новичком. Но мне сразу пришлось участвовать в ответственном плавании: информационная программа «Время» снимала нас для передачи.

Перед выходом на воду я заметил, что некоторые ребята отдают на хранение свои часы. На всякий случай, если придется кильнуться. Ветер был баллов шесть, порывистый. Я тоже хотел отдать свои часы, но мой рулевой, Серега Языков, сказал:

— Не бойся, я еще ни разу не перевертывался.

И я перестал бояться.

Наша яхта шла под большим креном, и мы поднабрали воды. Стали делать поворот возле берега, но он не получился. Яхту начало заливать с кормы. Языков приказал прыгать за борт. Я бросил стаксель-шкот, встал на борт. Воды уже было по колено. Я подумал, что прыгать теперь не обязательно, и просто сошел в воду.

Нам долго пришлось барахтаться в воде, выволакивая утопшую «меву». Вышли на берег, и все стали поздравлять меня с первым килянием. Говорили, что я везучий. Некоторые несколько лет в отряде — и ни разу не переворачивались. Я, конечно, стал гордиться. А про себя подумал: «Киляться — это хорошо. Но не киляться — еще лучше».

Володя БОЧЕНИН,
21 августа 1974 года

В «ОРЛЕНКЕ»

На моем столе лежит камешек. Серый, обыкновенный, свободно помещается на ладони. У него острые неровные края. Формой камешек напоминает маленький монумент.

* Специфический термин парусников. Это случай, когда все меняется местами: киль — вверху, мачта — внизу, экипаж — в воде.

Мои знакомые мальчишки из нашего двора спрашивали у меня: «Что это за камень? Почему он покрыт копотью? И зачем на нем что-то нацарапали?» Я им говорил, что это еще что! Он горячий. Руки жжет. Мне никто не верил, камешек ходил по рукам, а в глазах мальчишек появились язвительные смешинки, перемешанные со скрытым интересом. Кто-то все же просил рассказать.

Конечно, для них, мальчишек, тогда это был обыкновенный камень. После моего рассказа — можете мне поверить — он и для них стал горячим. В жизни не так редки чудеса. Иногда мы их делаем сами — для себя и друзей — и охотно в них верим. Мои мальчишки поверили моему чуду.

А камень не мог быть холодным. Он не мог быть даже теплым. Не мог хотя бы потому, что это камень из костра.

В «Орленке» любили костры. По вечерам, когда дневная голубизна постепенно превращалась в чернильную синеву самых темных тонов, когда первые робкие звезды появлялись над морским горизонтом, чтобы поторопить почти утонувшее в полосе алого заката солнце, в лесу вокруг лагеря, как бы соревнуясь, кто быстрее, разгорались огоньки костров. Огоньков этих было много. Так много, что ночь окончательно сменяет сумерки, окрасив все в самые черные тона. Эти огоньки костров перемешиваются с огнем звезд.

Я рассказал мальчишкам про костры и про то, какими мы были.

А было нас пятеро. Тогда еще маленький Алька, угрюмый по причине переходного возраста Сергей, всегда серьезная и сдержанная Ольга. Ну и, конечно, излишне самоуверенный автор этих строк. Головой всему был Слава. Все вместе мы назывались специальной корреспондентской бригадой журнала «Пионер». Очень хорошо помню, как выглядела вся бригада, когда мы поменяли свои длинные штаны, а Ольга юбку на орлятские шорты. Оказалось, что все одинаково белы, как некрашеные доски в новом заборе. Наш вид некоторое время давал повод для шуток тем, кто успел загореть и даже обгореть. Однако длилось это недолго.

Мы должны были ежедневно выпускать газету.

На одной из комнат, в корпусе дружины «Звездной», появилась вывеска — «Пресс-центр». На следующее утро вышел первый номер. Волнения, конечно, были. Как да что? Будут ли читать, понравится ли? Газету читали. Потом уже газету ждали. Когда номер задерживался хоть на час, в пресс-центре одна за другой появлялись делегации.

Вообще к нам приходили по разным поводам. Я не помню, чтобы во время работы над очередным номером в пресс-центре находились только те, кто непосредственно над ним работает. У нас всегда толкалось много народу. Здесь спорили,

ругались, обсуждали, договаривались, просто разговаривали или пели песни. Так же как тянулись к нашим выпускам, тянулись и к нам в пресс-центр. Так мы жили все две недели.

А газета выходила из номера в номер без опоздания. Мы не замечали тогда, что нам трудно, мы не думали об усталости, нам просто было некогда об этом думать. Наш маленький Алька тоже не замечал и тоже не думал. Только однажды, когда заканчивался очередной номер, мы нашли Альку на листах картона в соседней комнате. Комната служила нам кладовкой. Алька спал, свернувшись калачиком, зажав в руке коробочку с плакатными перьями, за которой его сюда послали. В тот день очередной номер, как всегда, вышел в срок.

Было выпущено много номеров. Пришло время последнего. Было грустно выпускать последний номер. Он получился слегка печальный. Там были хорошие стихи:

Ты уедешь вечером поздним.
Я пораньше... Время спешит...
Но оставим мы в нашем «Звездном»
Навсегда частицу души.
До свиданья, товарищ. Пора мне...
Жаль, что смена так быстро прошла.
Огонек орлятского пламени
Пусть не гаснет в твоих делах.

Было много вечеров и костров, но пришло время для прощальных.

Последний перед отъездом вечер был коротким. Солнце как-то поспешно свалилось за ближайшие горы. Уже горели звездочки-костры и слышались разогнанные ветром обрывки песен. Казалось, что море ворчало громче, чем обычно. Звезды были близкими. Небосвод более тяжелый и темный. Луна яркая, какая-то слишком круглая, почти не настоящая. Все казалось декорацией к какой-то сказке, и даже ветер. Мне показалось, что вся земля превратилась в огромный планетарий, в котором я сижу на лучшем месте.

В этот вечер «Звездопад» пели не один раз. Этот «орлятский» гимн звучал тогда, может, чуть с большей грустью, может, чуть с большей верой в себя и своего друга, а может быть, с тайной надеждой обязательно приехать сюда еще. Мы пели, а с неба действительно «падали» августовские звезды. Казалось, что кому-то совсем не жаль этих звезд, и он разбрасывает их щедро и не по обязанности, а от души.

В такой вечер все слова имеют усиленный смысл. Слова песен тем более. И то, что

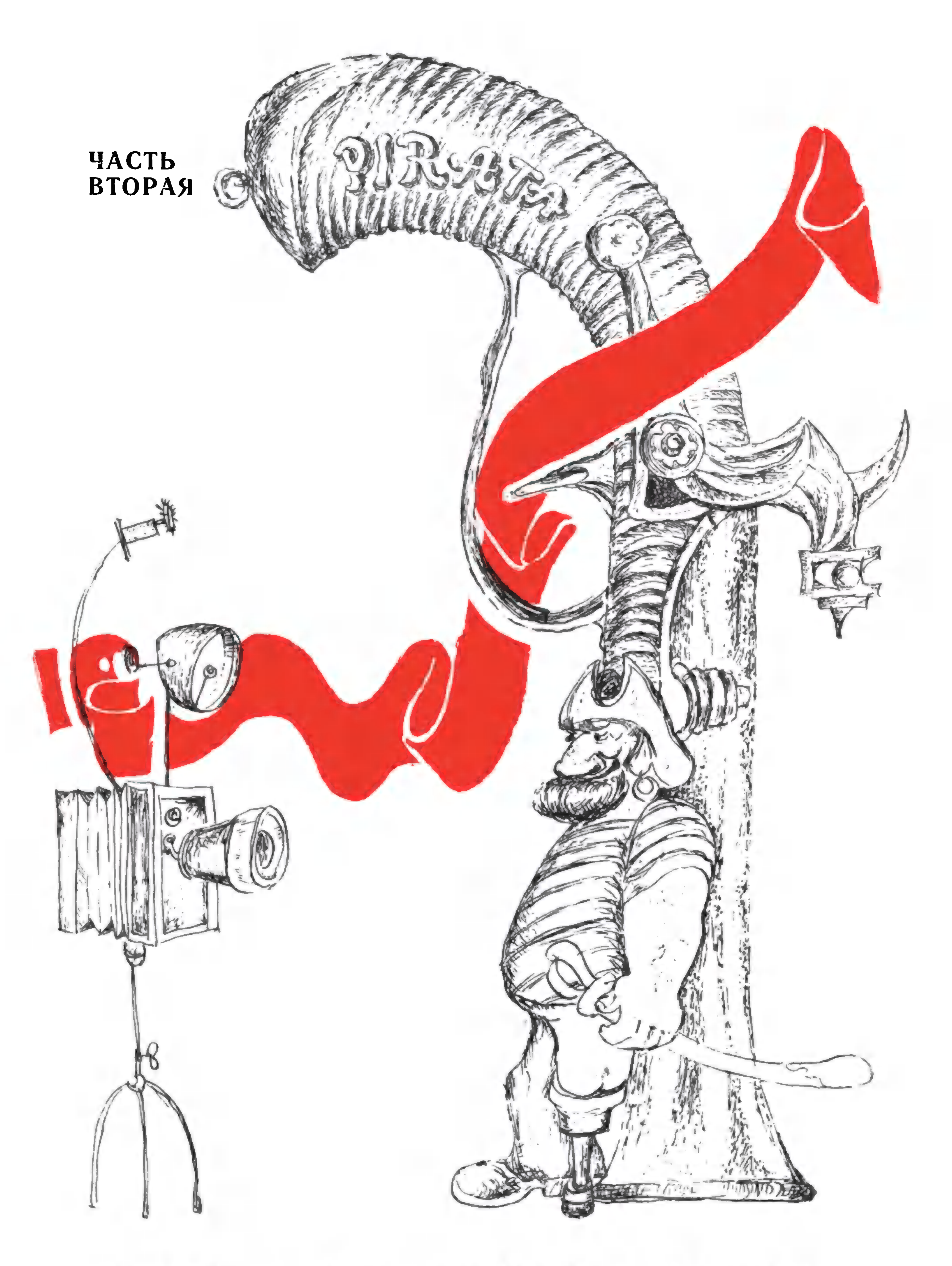
Прав лишь горячий,
Презревший покой,
К людям летящий
Яркой звездой.

Вот тогда я и вытащил из костра камешек. Он обжег мне руку. С того вечера этот камень никогда не остывал. В нем тепло «Орленка», тепло моих друзей, тепло спящего Альки и мягкого песка.

Все это я рассказал моим приятелям. Они поняли, что в жизни хорошо иметь камень, который не остывает. Каждому из них захотелось иметь такой камень, который может согреть, когда холодно...

Юрий МИХАЛКИН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОРАБЛЬ ВЕСТИ НЕОБХОДИМО

Павел КОРШУНОВ,
флагман «Каравеллы»,
десятиклассник, стаж
в отряде — пять лет

СУДЬБА ШХУНЫ «ВЕГА»

Суда строятся для того, чтобы ходить на них в любую погоду, а моряки — чтобы управлять ими.

Жан-Батист Шарко,
французский мореплаватель и ученый

«29 июля 1973 года наша флотилия в составе двух швертботов типа «Мева-2» («Андрюшка» и «Драккар»), швертбота типа «кадет» («Том Сойер») и двухмачтового кеча, который накануне спустили на воду ребята из клуба «Вега», участвовала в параде в честь Дня Военно-Морского Флота. Обстановка была штормовая...»

Эту запись на следующий день после парада сделал в журнале наш вахтенный командир.

Те, кто не бывал на нашем Верх-Исетском озере или приходил туда только в солнечные деньки, на пляж, удивятся: какие здесь могут быть штормы? Это же не море.

Поверьте, что бывают. Если не верите, приезжайте. Так и быть, прокатим, когда ветер свищет в снастях и хлещет беспощадно дождь.

Итак, 29 июля, пасмурное утро. Дождь то затихал, то возобновлялся с новой силой. Ветер был холодный и порывистый. Ехать на озеро, торчать в такой сырости и холоде несколько часов не хотелось. Мы мечтали, чтоб дождь пошел сильней и парад отменили.

Но дождь стих. А самое главное, на берегу нас ждал экипаж дружественного клуба «Вега». Для них это было первое настоящее плавание и первое испытание их корабля. С высокими красно-оранжевыми мачтами и такого же цвета корпусом, множеством парусов, с вантами, с выбленками как у настоящего парусника, он выглядел величественно и красиво, даже сказочно. Издалека смахивал на «Испаньолу» — парусник, который снимали в фильме «Остров сокровищ». А название у него было такое же, как у клуба, его построившего: «Вега».

Даже не верилось, что судно, на которое все восхищенно смотрели, раньше было дырявой неуклюжей шлюпкой и валялось у нас на Уктусе.

Наши яхты-ветераны не привлекали зрителей. Изрядно потрепанные за практику, рядом с «Вегой» они выглядели совсем не представительно. Паруса в пятнах, шкоты разлохмачены. Ну а если заплаты на пробоинах считать, так весь день с блокнотом просидеть можно, и то со счета собьешься.

Нам заплаты считать было некогда. Нужно поскорее заканчивать вооружение яхт и выдвигаться к месту сбора. Но в такой холод ноги лень передвигать, не то что узлы завязывать. Тут еще ветерок как проберется за ворот да как начнет льдом по спине перекатываться... Хорошо, что ребята у нас привычные. Через полчаса четыре судна двинулись вперед.

В первые же минуты плавания стало ясно, чего стоит красавица «Вега». Шла она не то чтобы очень быстро, а если быть точным, то самой последней. Яхта оказалась скорее красивой игрушкой, чем морским судном. Строили ее, заботясь в основном о внешнем эффекте. При первых же порывах ветра паруса вытянулись и провисли. Шкоты из прогнившей тесьмы двигались плохо, застревали в блоках, даже рвались.

Экипаж «Веги» еще не был обучен, приходилось все объяснять на ходу. Команды выполнялись медленно. Огромные шлюпочные весла, которыми пришлось действовать при поворотах, неуклюже плюхались в воду, не слушались матросов. Поворот оверштаг получался со второго, а то и с третьего захода.

Но ветер был попутный, и мы все-таки приближались к цели. Даже «Вега» к концу так разогналась, что мы испугались: не было бы беды. Повадок нового судна мы еще не знали.

— Разбегайтесь! Убирайте яхты с дороги! — с такими криками приближались мы к пирсу.

Но вот швартовы брошены. Треснувшись о пирс, «Вега» спокойно закачалась возле устойчивой опоры.

Сигнальная ракета взмыла в воздух — начался парад. Наша задача — совершать маневры недалеко от берега. Скоро был дан отбой: можно было возвращаться на базу. Мы облегченно вздохнули и успокоились. Только зря. Приключения ждали нас впереди.

Погода начала стремительно портиться. Ветер усилился, поднялись волны. Обстановка становилась напряженной.

Беды ждали от «Веги». Со встречным ветром она плелась кое-как, ее сильно сносило с курса. Порвался шкот для управления главным парусом — гротом.

Из-за мелких неудач холод и мокрота стали особенно нестерпимы. Хотелось солнца. Кое-кто уже проклинал в душе

этот парад и тихоню «Вегу». Руки совсем застыли. Холодные волны с шумом бились о борт. Брызги окатывали с ног до головы, летели в лицо. Шутки и смех если и были, то очень однообразные. Кто предлагал развести костер прямо в яхте, кто мечтал о каюте, в которой можно укрыться от ветра. О чем мечтал я — не помню. Наверно, о том, чтобы жаркий экватор переместился на Урал.

А несчастливая звезда уже взошла на нашем небосклоне.

— Что за черт? — подал голос командор, увидев, что одна из яхт, «Андрюшка», прилипла к берегу. — Что там делает эта калоша?

Калоша терпела бедствие. От порывов ветра составная мачта превратилась в ломаную линию, а обтянутый резиной корпус стал похожим на лопасть винта — так его перекрутило. Рулевой Андрей Шуклин пробовал маневрировать, принимая удары волн скулой яхты. Однако резиновая обшивка у старой «мевы» оказалась совсем изношенной. От сильных ударов волн борт... порвался. Матросы — два неопытных, но мужественных салажонка из клуба «Вега» — приняли душ на себя, закрыв пробоину спинами. Пришлось срочно идти к берегу. Попробовали откачать воду, но волны упрямо заливали и без того полный кокпит. Уходить от берега теперь было нельзя.

«Вега» вынуждена была повернуть к терпящей бедствие «меве». Осмотрев повреждения яхты, мы решили снять с нее мачту и повести «Андрюшку» на буксире. Привязали ее длинным канатом к «Веге», а меня посадили за руль. Как самого старшего.

Я сидел в «Андрюшке» и был вполне доволен. «Мева» сейчас была легкой как пушинка. Пробоину закрыли жилетом. К тому же я лег на противоположный борт, и волны проходили под днищем, даже не смачивая спасательный жилет, выступающий теперь в роли затычки. Ветер проносился над моей головой. Было теплее и приятно ощущалась скорость. Мне нужно было только чуть-чуть управлять рулем, чтобы идти в кильватер за «Вегой».

Кажется, периодически начинался и кончался дождь. Но нам, промокшим до нитки, это было уже все равно. Хуже другое: из-за всех неприятностей мы ушли недалеко от места парада. А прошло уже больше часа. Только и надежды было на то, что больше ничего не случится, и мы потихоньку доберемся до базы.

Но несчастья не хотели кончаться...

«Вега» продолжала отставать. «Драккар» крутил повороты и старался держаться поближе к неповоротливому судну, о красоте которого уже никто не вспоминал. Тут «кадет» «Том Сойер» вырвался далеко вперед... Напрасны были гро-

могласные призывы командора. Экипаж уже не мог их услышать.

Командир «Томика» Саша Шильников мог в те времена выкинуть что-нибудь на берегу. Но на воде, в штормовой обстановке... Было ясно: что-то случилось. Почему они не крутят поворот, а уходят все дальше и дальше? Заело шкоты?

«Вега» стала делать поворот, чтобы идти на помощь «кадету». Поворот не получился, и ее снесло на камни. Засела она прочно. Пришлось нескольким матросам прыгать за борт и по грудь в воде вытягивать «Вегу» с мели. Только тяжелое судно двигалось медленно, с трудом. А «Том Сойер» уходил все дальше, то слишком травя грот, то слишком его выбирая. Несколько раз они пытались сделать поворот, но безуспешно. Конечно, если травят грот при оверштаге! А может, они со страху все перепутали?

Командор побледнел. Ребята в опасности, а он на этой засевшей на камнях «Веге» ничего не мог сделать. Он отдал приказ пока еще целой «меве» — «Драккару» — идти на помощь.

— Приготовиться к фордевинду! — скомандовал командир Валера Новоселов.

— Ага! — подтвердили матросы.

Серега Самойлов вжал голову в плечи и стал ждать, когда над ним пропоет гик. Но пения не было. Он приоткрыл глаза... Яхта опасно накренилась, в кокпите была вода. Матросы поспешно перешли на наветренный борт. Яхта вышла из крена, но начала плясать в диком танце с растравленными парусами по верхушкам волн.

— Слава, я не могу идти! Залило! — крикнул Новоселов и повернул к берегу.

«Том Сойер» оставался один, и мы не могли ему помочь. Его экипаж попробовал сбросить грот, тогда ветер перестал бы уносить яхту. Но приспущенный парус заело, он не двигался ни вверх, ни вниз. Видимо, со страху «кадет» попробовал еще раз сделать поворот.

Получилось.

Теперь «Том Сойер» шел к берегу. Только бы добрались! Скорость из-за полуспущенного грота плохая. А яхта еще так далеко.

...Когда экипаж «Тома Сойера» высадился на берег, на них накинулись с упреками. Но в душе мы не сердились. Были рады, что все кончилось благополучно. Ведь могло случиться несчастье. Просто страшно подумать...

К этому времени «Вегу» с большими усилиями все-таки выволокли с мели. Теперь она стояла недалеко от берега.

Плавание явно затягивалось. Вместо того чтобы уже ото-

греваться дома, мы сидели на берегу, не пройдя и трети пути. Одежда была мокрой, а из-за этого жесткой и противной. Не хотелось шевелиться. Кое-кто так и сидел, дрожа от холода, не в силах разогнуться. В желудках сосало — не ели с самого утра. А нужно было устранять повреждения и плыть, плыть...

А если промерз и устал так, что с ног валишься? Надо ли плыть?..

И вот на берегу начался незаметный для постороннего глаза процесс. Пока мы возились с яхтами, взрослые руководители клуба «Вега» устроили совет. Командир «Веги» был недоволен. Он не верил, что мы в силах довести суда. Он объявил, что не может рисковать ребятами.

Долго молчали. А потом Слава сказал, что мы справимся сами. Экипаж «Веги» ушел.

Тяжело было видеть это. Вспомнилось, как наш отряд встал весной за клуб «Вега», когда его пытались закрыть деятели из районо и домоуправления. Как со всеми знаменами прибыла наша капитанская группа на первую линейку клуба. Салютуя клинками, мы обещали, что и дальше не оставим друзей в беде. Подарили шлюпку, помогали драить ее, делать паруса и такелаж. Играли вместе...

Теперь они цепочкой уходили в глубь берега. Некоторые ребята оглядывались, не понимая, что случилось. Мы смотрели вслед веговцам, пока они не скрылись за ближайшим холмом. Тяжело расставаться с теми, кого считаешь друзьями. Тяжело понимать, что это вовсе не друзья, а случайные попутчики.

«Я могу поссориться с друзьями, обидеться на всех ребят, но даже в этом случае я не покину «Каравеллу» в трудном деле, походе или плавании, потому что это предательство» — такое правило есть в нашем уставе. По-моему, такое правило должно быть среди всех людей.

Не знаю, спокойно ли спят с тех пор ребята из «Веги». Я бы не смог. После ухода веговцев людей не хватало на все суда. Как же быть? Треклятую «Вегу» хотелось просто затопить у берега. Хороший был бы памятник дружбе, которая так легко кончается... Стоит ли мучиться из-за какой-то разбитой штормом посудины?

Но мы решили довести плавание до конца. Много в этот день было «если бы», много принималось решений, без которых мы вышли бы из этой истории побитыми и беспомощными щенками, но решение, принятое в эту минуту, было самым трудным и самым главным. Если бросить судно, то как потом смотреть в глаза друг другу? Ведь мы отряд. Морской отряд. Вспомнилась заповедь древних мореплавателей: «Корабль вести необходимо».

Решили сделать так: рулевые отведут к базе сначала маленькие яхты, а потом по берегу вернутся за «Вегой».

Без неуклюжей «Веги», «Драккар» и «Том Сойер» добрались к базе быстро.

Уже темнело, когда все снова собрались возле «Веги». Тучи заволокли небо плотной пеленой. Опять пошел дождь. «Вега» и волочившийся за ней «Андрюшка» сотрясались. Не столько от волн, сколько от дрожащих от холода ребят. Все утешались только одной мыслью, что скоро будет берег. Но «скоро» не получалось. «Вегу» здорово сносило. К тому же дополнительные паруса шквалами были приведены в негодность, и яхта не желала идти острыми курсами. Мы уже несколько раз пересекали озеро от берега до берега, а к базе вырваться не могли. Окончательно лопнул гика-шкот, пришлось управлять парусом прямо руками. А ветер давил на него изо всех сил. Один раз послышалось: «Ой, мамочка!» Это матрос чуть не вывалился за борт.

В ход были пущены всевозможные движители: паруса, в которые мы старательно дули, помогая ветру, весла. Самым главным был другой движитель — моральное воодушевление, которое приходило на смену отчаянию. У меня до сих пор осталось ощущение, что мы вели это неповоротливое корыто усилиями нашей воли. «Ну, еще немножечко продвинься!» — думал каждый и всей душой устремлялся вперед.

Мы привели «Вегу» к базе. И стало легко и весело. Нет, прыгать и смеяться не хотелось. Это было другое веселье. Ведь мы, каравелловцы, все были здесь. Мы не сдались. Мы выдержали испытание ветром, дождем, холодом, голодом, предательством. Больше двенадцати часов мы боролись. Мы привели все суда. Трудно было, но теперь — ПОБЕДА. И нам, кому выпало все сполна, стало весело.

Победа!

Мы бежали на трамвай, размахивая портфелями с промокшей одеждой, а внутри нас пела ПОБЕДА!

И знаете, никто даже не простудился после этой мокрослякоти и холодины. На следующий день все пришли в отряд чистенькие, сухие, счастливые. И молчаливые. Что мы могли сказать тогда? «Ух, ну и было же!..»

Время раздумий пришло потом.

Кстати, я допустил одну неточность. Пришли почти все. Один не пришел. Позвонила его мама и сказала, что у сына кровь из носа пошла, что они с сыном посовещались и решили: моряком ему не быть.

...А через некоторое время два человека из «Веги» пришли в «Каравеллу».

ПОЮТ ГАЙДАРОВЦЫ

Хорошо, когда у тебя есть товарищ — верный, добрый. А если это целый отряд? Да еще не простой, а поющий?

На севере Урала, в городе Серове, их знает каждый — ребят из пионерской хоровой студии «Гайдаровцы». Когда они идут по улице, незнакомые люди подходят и говорят:

— Привет гайдаровцам!

Потому что всем нравятся их песни про отважных пионеров, про веселое лагерное лето, походные тропы, паруса и дальние страны. Самая главная песня гайдаровцев — про барабанщиков, которые поднимаются раньше всех. Они ведут вперед отряды, не уступая трудностям, не сгибаясь перед опасностями.

— Музыка гайдаровцев, слова «Каравеллы», — так объявляет эту песню руководитель студии вожатый гайдаровцев Анатолий Дмитриевич Тушков.

В самом деле, эта песня связала наши два отряда. Даже не верится, что мы были когда-то незнакомы. Впервые мы встретились три года назад. Гайдаровцы услышали про наш отряд и на Майские праздники приехали к нам в гости всем составом. Тогда в пионерской студии были одни мальчишки. Для первого знакомства они с огромным счетом обыграли нас в футбол.

— Еще бы, — смеялись гайдаровцы, — ведь каждый день у нас начинается с физзарядки!

Дело в том, что Анатолий Дмитриевич, учитель пения, тогда только что вернулся из армии. Он рассказывал ребятам, какая выносливость требуется от солдата. И ребята стали заниматься не только пением и музыкой, они увлеклись стрельбой, проводили спортивные тренировки, ходили в походы.

Это пригодилось не только на футболе.

Вечером мы слушали песни гайдаровцев. Они пели как-то по-особенному, будто вполголоса. И мы чувствовали запах костра, хорошую усталость от трудной дороги, верили, что нет на свете ничего дороже товарищества и верности общему делу. Вот о чем были эти песни. Ребята рассказывали в них

о том, что сами пережили, что им очень дорого. Больше всего нам понравилась тогда песня про мушкетеров с припевом:

И, вскочив, переглянутся мушкетеры:
«Это нас, ребята,
Шпаги наголо!»

Эти ребята сами показались нам похожими на таких мушкетеров, а еще больше — на красных конников: в зеленых рубашках с тимуровскими звездами на груди, в пилотках, перетянутые ремнями, веселые, энергичные. Мы сразу поняли, что это настоящие товарищи.

Концерт заканчивался, когда Анатолий Дмитриевич сказал:

— А теперь, «Каравелла», слушайте самую дорогую для нас песню. Это наш подарок.

Как бы крепко ни спали мы —
Нам подниматься первыми,
Лишь только рассвет забрезжит
В серой весенней дали...

Это неправда, что маленьких
Смерть настигает реже —
Ведь пулеметы режут
Часто у самой земли.

Это была наша песня, и в конце мы потихоньку подпевали гайдаровцам. А потом второй раз уже дружно пели все вместе.

После концерта оба отряда выстроились на общую линейку. Гайдаровские и наши барабанщики грянули общий сигнал — «Марш-атака». Торжественным маршем прошли мы по окрестностям Уктуса. Жители вышли из домов и долго смотрели нам вслед.

Так и шагают с тех пор рядом «Каравелла» и гайдаровцы.

Рождаются все новые и новые песни, которые помогают нам в дороге.

Сергей БОРИСОВ

КАРТЫ

Карты морские — изображения на листе бумаги различных участков водной поверхности земли: океанов или их частей, морей, заливов, бухт, портов и т. п. Чтобы уметь читать морские карты, нужно знать условные обозначения, принятые на них.

К. И. Самойлов Морской словарь, т. 1, с. 111

Что можно увидеть, посмотрев на карту? Материки, острова. Что еще? Названия островов, городов, заливов, меридианы и параллели. Любой взрослый пройдет мимо такой карты и даже не обратит на нее внимания. Ну, какие здесь тайны, приключения? И нет неоткрытых земель. Но мальчишка! Он поймет ее.

Карты — это путешествия, встречи с новыми людьми, пусть даже это самая простая карта. Мальчишка изучит ее до мелочей, и все равно карта будет таинственной. Он повесит ее у кровати и будет долго рассматривать по вечерам. И карта, еще более таинственная в полумраке, будет рассказывать о песне волн, о свисте ветра в океанах, о диких племенах и морских путях.

У нас в отряде много морских карт, разных времен и разных стран. Их подарили друзья-моряки. Как-то раз нам попалась немецкая карта. В углу штамп: орел со свастикой. Это трофейная карта. Фашисты, готовясь к войне, составляли подробные карты восточных морей. Только победить им все равно не удалось, и карты их пригодились лишь для музеев.

Есть карты, по которым штурманы вели корабли через штормы и штили. Кажется, эти листы впитали в себя шум моря и запах водорослей, стали тверже от соли, въевшейся в них. Если наклониться и прижать ухо к этой карте, можно услышать шум прибоя, как в раковине. О многом могут порассказать эти карты.

И еще у многих штурманов «Каравеллы» хранятся дома необычные карты. Это копии со старинных морских карт. На них — каравеллы и морские чудовища, причудливые очертания материков и островов, предполагаемые земли, много «белых пятен». А внизу — подпись тушью: «Штурману «Каравеллы» в память о шторме 29 июля 1973 года».

Это память о дне, ставшем для многих боевым крещением. Карты, на которых есть неоткрытые острова...

Саша ***БАРМИН***

Сергей ЯЗЫКОВ,
флаг-капитан «Каравеллы»,
девятиклассник, стаж в отряде —
четыре года

БЫЛ ТАКОЙ КАПИТАН...

С 8.00 до 17.00 экипажи были на практике. Отрабатывали маневрирование судов и подход к пирсу в свежий ветер... Геннадий К., командир «Джима», на занятия не пришел...

Вахтенный журнал учебно-парусной практики. 26 июня, графа «Случай»

В жизни отряда это случалось. Кажется, совсем уже свой человек, но вдруг наступает момент...

Был такой капитан, звали его Гена. Пришел он к нам из маленького отряда, тоже морского. Его отряд распался, потому что уехал руководитель, а Гене не хотелось расставаться с морским делом.

Мы сохранили ему капитанское звание, присвоенное в старом отряде. Как все командиры, он носил нашивку с тремя золотыми угольниками и гордился своим званием. Пробыл он у нас полгода, все привыкли к нему, и он ко всем привык. Многие считали его хорошим товарищем. Всякое, конечно, бывало. Настораживало, что он охотно делал то, что ему надо, и не очень охотно черновую работу, которая была необходима отряду. Но с кем не бывает?

Жизнь во время практики, тяжелая, порой изнурительная и в то же время радостная, шла, не сбивая такта. В одно прекрасное утро, когда во время построения экипажей не обнаружилось капитана Гены, все удивились. Как? Капитан? Где? Почему?

Неожиданно зазвонил телефон:

— Я не могу прийти, меня пригласили сниматься в фильме.

Командир практики подумал о том, кто же будет командовать яхтой во время плавания, кто же будет руководить новичками, и сказал:

— А об экипаже ты помнишь? У нас же практика! А ты капитан. И должен думать о других, а не о себе.

— А мне режиссер сказал прийти...

— Значит, надо выбирать: или отряд, или кино.

Гена выбрал кино. А еще он записался в юные пожарники, потому что они в другие города на соревнования ездят.

Лиха беда начало. Ушел так ушел. Мало ли людей случайно в отряд попадают. Другие уйдут и тут же пакостить начинают. Хорошо, что Гена не такой.

Так думали мы тогда. Но прошел год. И Гена снова объявился. Дело в том, что он был не просто капитаном «Каравеллы», но еще и частным владельцем судна. Желтый «оптимист» по имени «Джим» был построен его руками. Во время строительства каждый старался ему помочь чем мог. В отряде ему дали парусину для яхты. «Оптимист» стоял рядом с нашими яхтами, и даже через год Гена ходил на нем как член «Каравеллы».

Но однажды Гена ушел один в дальнее плавание. Ему объяснили, что удостоверения рулевого у него нет и отправляться в одиночные плавания он не имеет права. За него отвечает отряд. Нужно объявить себя частным владельцем, сдать на права и тогда ходить в свое удовольствие. Гена, кажется, обиделся. Во всяком случае, когда он однажды подобрал на берегу блоки от отрядных яхт и его попросили вернуть их, Гена потребовал выкупа:

— А что вы мне за блоки дадите?

Он вступил в другую парусную секцию. Теперь он плавал на новеньких яхтах и частенько придирался к нашим ребятам.

Такова история бывшего капитана «Каравеллы». А то, что открытым недоброжелателем он стал, придя в другую парусную секцию, мне кажется не случайным.

Я помню фотографию. На базе «Малоконный» выстроился отряд для получения четырех «кадетов». Яхты были новенькие, полированные, не то что наши самодельные суда. И у каждого из ребят горели глаза от радости. Вручала яхты отряду та самая парусная секция, где потом оказался Гена.

Но оказалось, что парусная секция — это лишь гонки, стремление к выигрышам. Наших ребят хотели рассовать в разные, чужие команды. А мы хотели ходить под своим флагом, мы привыкли им дорожить. Юнкоровский морской отряд не захотел превращаться в компанию гонщиков, которым все равно, за чью команду выступать.

— Пусть забирают свои «кадеты». Обойдемся, — решили ребята.

И на четырех оставшихся яхтах — своих — подняли оранжевые флаги «Каравеллы».

Приятно было, когда самодельный «Том Сойер» на параде в честь Военно-Морского Флота в 1972 году надрал — простите, обогнал — другие «кадеты».

Только не у каждого тогда хватило решимости. Три человека не захотели расставаться с полированными яхтами и

ушли в секцию. Конечно, это привлекательней возни с потрепанными отрядными посудинами. Да и с новичками возиться не надо. Плаваешь и только о себе заботишься.

Теперь в этой секции был Гена...

Так мы и живем. Уходят из отряда те, которые ищут выгоды для себя. Остаются — кому дорого товарищество, плавания со всеми их радостями и трудностями. У нас об этом даже фильм есть — «Остров сокровищ». И песня о тех, кому не нужны пиастры.

Сергей ЦЫМБАЛЕНКО,
флагман «Каравеллы», преподаватель,
стаж в отряде — шесть лет

А НАМ НЕ НУЖНЫ ПИАСТРЫ!

В детстве будила нас странная мечта.
Ветер соленый в гости прилетал.
Запахи моря приносил муссон.
Вдаль, за горизонты, звал нас
Стивенсон.

Из отрядной песни

Снять фильм про «Остров сокровищ» в отряде мечтали давно. Ведь это книга о море, о приключениях, о парусах. Прикидывали, кто кого будет играть, ломали голову, как сделать Сильвера одноногим и откуда взять говорящего попугая. Поэтому фильм начинается с пролога.

...Двое мальчишек не смогли достать билеты на фильм «Остров сокровищ» (он тогда в самом деле шел в кинотеатрах нашего города). Думали, думали, как помочь беде, и решили сами снять кинокартину. Из фанерного ящика, увеличительного стекла и ручки от мясорубки смастерили кинокамеру на треноге. Желающих стать актерами было много. Раздобыли костюмы и реквизит. Настоящего попугая достать не удалось и решили, что им станет самый маленький из нас — Павлик Крапивин. Только с одноногим Сильвером вышли серьезные затруднения. Он не позволил отпилить ногу, хоть его и уверяли, что искусство требует жертв. Пришлось мастерить для него деревянную ногу. Теперь у Сильвера вместо одной ноги было три. В общем, симулянт получился, а не инвалид.

— Внимание, съемка! — громко, чтобы перекричать всех, скомандовал режиссер.

...И в таверне «Адмирал Бенбоу» поселился старый пират Билли Бонс. Он хотел укрыться от морских бурь и жизненных невзгод, но старые дружки не оставляли его в покое. Как-то раз в таверну заглянул слепой старик в лохмотьях. Он потребовал у Билли Бонса карту Острова сокровищ. Билли Бонс в ответ вышвырнул его за дверь уверенной рукой и ногой.

— Ну, теперь здесь будет жарко, — предупредил он.

В подтверждение его слов пуля прошила шляпу и звякнула на полке разбитая бутылка дорогого вина. Пираты напали на таверну. Хорошо, что у хозяйки и ее маленького сына Джима была припрятана для таких случаев корабельная пушка. После первого же залпа пираты пустились в бегство.

Съемочная группа принимала активное участие в сражении. Да и как иначе, если пираты от мощных ударов Билли Бонса летели прямо на кинокамеру. Приходилось усмирять их ударами тяжелых банок с кинопленкой.

Так, похожий на игру, начался фильм «Остров сокровищ».

Мы, снимающие его, играли увлеченно. Готового сценария не было. Придерживались немного книжного сюжета, а в основном все придумывали на ходу. Слава — главный режиссер и оператор — постоит немного в задумчивости, потом воскликнет:

— Ага! Давайте дальше. Начали!

И мы давали, придумывая веселые трюки.

Герои и их характеры тоже были не совсем по Стивенсону. Сразу решили, что главную роль, Джима, должен играть малыш. Появилось три претендента — три симпатичных второклассника. Выбрали мы Максимку Языкова. Веселый, с улыбкой до ушей, он в серьезные минуты был задумчивый и решительный. Других малышей тоже хотелось снять, и мы придумали для них роли. Так появился внук Бен-Гана, робинзона с Острова сокровищ. Так появился Маленький Пират — интеллигентный мальчик в очках, круглый отличник, у которого даже поведение было примерным. Играл его Павлик Шмырев. Этого хорошенького мальчика пираты похитили по дороге в школу, потому что им не хватало юнги на корабле. Раз есть Маленький Пират, то должна быть и его бабушка. Пиратская бабушка. Звучит? Она впервые появилась у нас в отряде вместе с Нептуном на празднике в честь окончания парусной практики. А теперь пожаловала и в наш фильм.

Она появилась в тот момент, когда пираты потешались над малышом, утверждавшим, что вот придет бабушка и всех их накажет. Обширная, грозная, с большущей дубиной в руках, она привела в трепет испытавших все на свете «джентльменов удачи». Любимый внучек без сомнения был бы спасен, но... В последнюю минуту он почему-то не захотел спасаться. Морское путешествие, опасности, акулы («и пиастры, пиастры!» — добавляет попугай, восседающий на плече у Сильвера) — от всего этого трудно было отказаться. Бабушка тоже была не против пиратской жизни.

И вот вся эта компания, а также Джим со своими знакомыми — доктором Липси, сквайром Трелони и капитаном Смоллетом — отправляются в плавание к Острову сокровищ, о котором узнали от Билли Бонса. Он не захотел умирать, как положено по книге. Старый пират решил, что лучше уйти на пенсию. А заветную карту Билли Бонс передал маленькому Джиму. Тот давно мечтал о дальних плаваниях, волнах и ветре. Он хотел отправиться сразу же, но одного его мама не от-

пустила. Вот Джим и обратился за помощью к своим взрослым соседям. А те, конечно же, поручили формировать экипаж Сильверу, не подозревая, что это самый страшный пират.

Взрослые строили заговоры, готовились к захвату сокровищ. А Джим и Маленький Пират радовались, что участвуют в настоящем плавании. Они очень подружились, несмотря на сопротивление бабушки. С таким же усердием, с каким она воспитывала из внука отличника, теперь бабушка хотела сделать из него настоящего пирата. Но маленькие друзья все равно были вместе. Они вместе читали морские книги, изучали морские карты и приборы.

А парусный корабль с красивым названием «Испаньола» несся в открытое море.

Да здравствует Остров сокровищ —
За то, что к нему дорога
Лежит сквозь пенное море,
Сквозь радости и преграды!

Да здравствуют дикие джунгли.
И радуга в брызгах прибоя,
И крик попугая в чаще!
Но нам не нужны пиастры...

Когда придумалась эта песня, съемки еще не начались. Идея фильма еще смутно ворочалась в наших головах. Мы ехали с практики в тесном автобусе. Слава улыбался, улыбался, глядя куда-то мимо нас, а потом сказал:

— Нужно, чтобы в фильме была музыка. И песня. Очень веселая.

Но через некоторое время поправился:

— Нет, пожалуй, не только веселая.

Может быть, в эту минуту он вспомнил об уходе ребят? О тех, кто променял отряд на блестящие швертботы парусной секции?

В тот же день песня была готова.

...Итак, фильм был похож на веселую игру. Но есть в нем момент, когда настораживаешься и понимаешь, что не все здесь понарошке.

Джим стоит у штурвала. Над ним — небо, пересеченное вантами. На самом деле съемки этого эпизода происходили не на море и даже не на озере, а в лесу. В кадр на минуту попадает поляна и ассистенты режиссера, обильно поливающие Джима «волной». Максим, играющий Джима, не выдерживает и смеется. Но тут же снова становится серьезным.

Брызги волн летят в лицо, но он не обращает на них внимания. Он ведет корабль. В настоящее море. Мы видим на экране могучие волны, мачты и паруса настоящего парусника. (Эти кадры подарил нам моряк и художник Евгений Иванович Пинаев, он снял их в Карибском море.) В настоящем кино кадры с обливанием водой вырезали бы — актер не выдержал, засмеялся, в кадр попала съемочная группа. А мы их оставили. Максим-Джим так смотрит на разбушевавшуюся стихию, что в игру начинаешь верить. Понимаешь, что начинается что-то важное, настоящее.

Море, путешествие, дружба — это настоящее. А сокровища...

Пиастры, пиастры, пиастры...
А что с ними делать в море?
Не купишь на них ни ветер,
Ни чистые горизонты,
Ни белых стремительных чаек,
Тебя провожающих в поиск,
Ни звонкое золото солнца,
Что блещет в струе за кормою...

Но об этом несколько позже, потому что сейчас события принимают серьезный оборот. Раскрыт пиратский заговор. Джим со своими спутниками укрылся за стенами форта. Карта с ним. И пираты идут на штурм.

Впрочем, предоставим слово очевидцу — пирату Алексею Усову. Он писал о съемках репортаж в наш альманах «Синий краб»:

«Ситуация была такова: мы, пираты, штурмовали форт. Гарнизон форта отчаянно отбивался, и мы вынуждены были отступить, продираясь сквозь крапиву...

Если бы нам дали волю, мы бы этот гарнизон... Но режиссер воли не дал.

Пели птицы, светило солнце, и нам, пиратам, совсем не хотелось лезть в крапиву — зеленую, как крокодил, и такую же кусачую.

Рядом стояли зрители: тетенька с толстым ребенком детсадовского возраста.

— Готовы? — спросил Слава.

Мы вежливо промолчали.

— Вперед, — сказал Слава спокойно.

Мы прижались к стене форта. Она была толстая, но мы все равно слышали, как за этой стеной гарнизон хихикал и обзывал нас трусами. Это было оскорбление, это был вызов. Мы ринулись вперед. Размахивая шпагами и печально подвывая, неслись мы сквозь заросли крапивы. Гарнизон улюлюкал,

зрители наслаждались, Слава стрекотал камерой как кузнечик.

— Мама, это кто? — спросил толстый ребенок.

— Это, детка, пираты. Они плохие, они хулиганы, и за это вон тот дяденька послал их в крапиву. А хорошие мальчики стоят и смеются. Вот и с тобой так же будет, если не будешь слушаться.

Ребенок открыл рот и басовито заревел.

А мы вырвались из крапивы и упали в траву. Мы лежали, уткнувшись носом в землю, а над нами гремел Слава:

— Что за безобразие, почему разбежались из кадра? А ну, давайте еще раз...»

Пиастры, пиастры, пиастры...

Пираты и благородные джентльмены сражаются и еще не подозревают, что Бен-Ган, местный робинзон, давно перепрятал сокровища в надежное место. В момент затишья сквайр Трелони отправится на разведку, встретится с Бен-Ганом, и тот откроет тайну в обмен на обещание половины сокровищ и права вернуться на родину.

Почтенный Бен-Ган еще не знает, что его маленький внук (его играл Сережа Давидчук) давно уже превратил сокровища в игрушки и спрятал в своем тайнике. Малыш не подозревал, что из-за этих блестящих штучек люди могут перегрызть горло друг другу, предать товарища.

А так оно и происходит.

Два враждебных лагеря было сначала: жадные пираты и Джим с его «благородными друзьями». Но как только эти друзья прознали про сокровища, они предали Джима: решили скрыть тайну Бен-Гана, чтобы им больше денег досталось.

Смоллет, Трелони и Липси пошли на хитрость. Они отдали пиратам ненужную карту и заключили с ними мир. Ничего не знающий Джим был возмущен. Как могут его друзья пожимать руку отвратительному пирату Сильверу! Да они просто трусы!

Джим рассердился и решил доказать, что сумеет один увести корабль из-под носа пиратов. Он проникает на «Испаньолу», которую охраняет попугай Сильвера. Узнав, что пиастры совсем непохожи на вкусные орешки — обыкновенный металл, — попугай помогает Джиму. Так у Джима появляется еще один друг, которому не нужны пиастры.

А возвращаясь обратно, Джим столкнулся с внуком Бен-Гана. Они быстро познакомились, как всегда знакомятся мальчишки, и решили покататься друг на друге. Потом внук Бен-Гана показал Джиму свой тайник. Кидаться блестящими штуковинами было еще интересней, чем играть в лошадей.

Тут прибежал Маленький Пират. Ему надоели пираты во главе с бабушкой, которые только и знают, что кричат о каких-то сокровищах, стреляют и строят заговоры. Он сбежал от них. Теперь друзья были вместе.

На острове в это время началась паника. Пираты по карте пришли к месту. где зарыты сокровища, но вместо денег нашли записку с нарисованной фигой и надписью: «Привет от Бен-Гана». Бен-Ган привел своих новых приятелей к тайнику, но вместо сокровищ они обнаружили закопанную детскую лопатку. Теперь все рыскали по острову, усталые и злые. Вдруг они замерли и чуть не задохнулись от ужаса: мальчишки играли сокровищами, безжалостно бросались драгоценными вещами. Все взрослые кинулись к ним, воя от возбуждения.

...Малыши с трудом выбрались из этой кучи и немного испуганно смотрели на взрослых. Кто здесь пираты, а кто благородные джентльмены, разобрать теперь просто невозможно. Все свились в клубок и вырывают друг у друга монеты и ожерелья.

— А ну их! — сказал Джим. — Бежим!

Взявшись за руки, Маленький Пират, внук Бен-Гана и Джим сквозь густые заросли пробрались к берегу.

Корабль покачивался на волнах, и паруса беспокойно трепетали на ветру.

Попугай все не переставал возмущаться надувательством бывшего хозяина Сильвера: это надо же сказать, что пиастры вкусные!

Мальчишки подняли паруса. Джим встал к штурвалу, и корабль понесся в открытое море.

Остров сокровищ с готовыми все продать за деньги «джентльменами удачи» и «просто джентльменами» скоро превратился в маленькую точку, а потом совсем исчез за горизонтом.

Ветер гудел в снастях, блестящими брызгами разбивались о борт волны. И все еще было впереди.

...Пиастры, пиастры, пиастры...
А что с ними делать в детстве?
Не купишь на них ни сказку,
Ни смех товарища звонкий,
Ни ясную радость утра,
Когда по траве росистой
Сквозь солнечный пух тополиный
Бежишь ты навстречу другу.

Да здравствует остров зеленый,
Лежащий за черной бурей,

За синей глубокой тайной,
За искрами южных созвездий!
Да здравствует смех и дорога!
Да здравствует дружба и море!
Да здравствует все, что не купишь
На черное золото Флинта!

Так кончился фильм о настоящих моряках, хоть и маленьких, которым были не нужны пиастры.

КОМПАС

Компа́с — мореходный инструмент, служащий для непрерывного указания в море компасного курса корабля и для определения в случае надобности направлений на различные, видимые с корабля земные предметы или небесные светила.

К. И. Самойлов. Морской словарь, т. I, с. 452

Компас — это чуткое сердце судна. С его помощью штурман точно определяет курс судна, берет пеленги на различные береговые ориентиры. Вот какая это необходимая вещь. Поэтому мы тоже учимся понимать компас.

Когда отряд начал заниматься морским делом, настоящих компасов у нас еще не было. Вырезали из картона круг, делили на тридцать две части (румбы) и обозначали стороны света. Круг насаживали на иголку, а к нему прикрепляли намагниченную пилку от лобзика. Вот с таким прибором начинались занятия по навигации.

В 1972 году группа наших ребят поехала в Севастополь. Там они совершили настоящее учебное плавание вместе с членами детской морской флотилии. Наши ребята не подкачали, доказали, что не просто так носят форму, а разбираются в морском деле. В знак дружбы детская флотилия Севастополя подарила нам компас, большой, настоящий.

Привезли компас в Свердловск, стали рассматривать. Что такое? Пеленгаторное кольцо смещено от норда на 30°. Перерыли все справочники и пособия, но указаний о смещении

нигде не нашли. Значит, брак. Разобрали мы компас, стали кольцо выправлять, только оно не поддавалось. Поднатужились и... Наружное кольцо компаса треснуло под действием сжатого спирта. Мы испугались и стали завинчивать все как было. Потом заглянули еще в один справочник, «Записную книжку матроса», и узнали, что это нормальное смещение для пеленгатора.

Трещинка так и осталась на стекле, как память о нашем первом знакомстве с настоящим компасом.

Андрей СКЛЯР

Сергей КОРОБОВ,
флаг-капитан «Каравеллы»,
восьмиклассник, стаж в отряде —
пять лет

КТО ДЕРЖИТ РУЛЬ

Водить корабли не так уж трудно,
когда столкнешься с этим вплотную.

Р. Л. Стивенсон

Зал хохотал. На экране пираты дрались друг с другом из-за золота, а малыши уплывали от них на корабле. Это мы просматривали фильм «Остров сокровищ». Прошло уже почти два года, как его сняли, а смотреть все равно интересно.

Главную роль в фильме играл Максим Языков, ему было тогда девять лет. Вот он стоит у штурвала, брызги окатывают его, а за кормой — кипящая вода, она бурлит и сверкает на солнце. Максим крепко держит штурвал, он серьезен и немного встревожен. Шутка ли: самостоятельно вести в открытое море двухмачтовый парусник?

На самом деле корабля не было и настоящих волн тоже. Штурвал был прикреплен к деревянной стойке, которая не опиралась на выдраенную ветрами и швабрами палубу, а стояла на травке. Море и корабль — это комбинированные съемки.

Тогда еще никто не знал, что совсем скоро придется Максимке держать в руках настоящий руль. Вот об этом и будет мой рассказ.

Максимка приходит в отряд со скупой улыбкой на лице и разговаривает хриплым голосом. Совсем как старый морской волк, просоленный всеми ветрами. Хотя Максим пятиклассник, он уже имеет звание капитана и командует группой барабанщиков. Он гордится тем, что пришел в отряд раньше своего старшего брата, и огорчается, что тот высоченный, а он маленький. Правда, еще не все потеряно, и Максим это понимает. Однажды он сказал, поглядывая снизу вверх на братца Сережу:

— А ты больше не вырастешь. Таким маленьким и останешься.

Максим — человек независимый, самостоятельный. Он очень любит собирать всякую дребедень. Узнав, что я пишу про него в книгу, он попросил сказать: если у кого есть что ненужное — всякие фантики, болты, пробки, пружины и другие такие же хорошие вещи, пусть тащат ему.

Еще Максимка любит, как говорится, приврать. Может быть, поэтому он написал так много сказок и других «прав-

дивых» историй, заполнив ими страницы нашего литературного альманаха «Синий краб».

— Это что, — говорит он, — у меня дома еще целый ящик ненапечатанных рассказов.

— И стихов, — вынужден добавить я. Ведь Максим еще и поэт. Он сочиняет стихи про море и про любовь. Они приходят ему в голову во время отсиживания ареста за разные грехи в фотолаборатории.

А еще, я подозреваю, что он ждет чуда. Каждый раз он провожает командора и флагманов в дальние поездки и каждый раз надеется, что они возьмут его с собой. Идет Максимка по улице и вглядывается в проходящих мимо людей. Вот высокий человек с выгоревшим от солнца лицом как-то хорошо посмотрел на него, улыбнулся. Сейчас он подойдет и скажет:

— Так это ты Максим Языков? А я тебя ищу... Неужели ты, такой хороший моряк, ни разу не был на море?

Человек возьмет его за руку, они будут долго идти, и, когда совсем устанут, покажется море, шумящее, совсем как морские раковины. А вдалеке мелькнут белые паруса. Человек выстрелит в воздух из старинного пистолета с удлиненным дулом, и корабль помчится к ним, превращаясь из маленькой точки в большое судно с наполненными парусами.

— Это твой корабль, — скажет человек. — Ты здесь капитан.

И Максимка бережно, но крепко возьмет в руки поскрипывающий штурвал...

Нет, не случайно дали Максимке играть Джима. Это было в семьдесят втором году. Учился он тогда во втором классе.

А в те времена, о которых сейчас пойдет речь, Максим был уже четвероклассником. И еще не капитаном, а подшкипером. Руль ему доверяли пока только под наблюдением опытных рулевых.

Должны были состояться первые в отряде парусные гонки. Раньше понемногу мы соревновались друг с другом, знали примерно, кто хороший рулевой, кто не очень. Теперь нам предстояло настоящее испытание. Нужно было доказать, что ты можешь ходить не только на своей яхте, но и на всех других. Все в отряде активно обсуждали, у кого больше надежды стать победителем. Рулевые подбирали себе экипажи. Почти так же, как пираты в нашем «Острове сокровищ». Новички чувствовали себя людьми: они были нарасхват.

Только не все рулевые волновались перед гонками. Некоторых волновало другое. Незадолго до соревнований стало известно, что несколько рулевых готовят... Нет, не приятный сюрприз, а заговор.

Всякое случалось в отряде, но такого еще не было. Эти

ребята обиделись на командиров, требования которых им стали казаться придирками. Вместо того чтобы на совете отряда сказать о своей обиде, постараться разобраться, они решили уйти, хотя понимали, что уход опытных рулевых — сильный удар для отряда.

Об этом узнали капитаны и срочно созвали совет. На нем решили: пусть нам будет трудно, но такие рулевые отряду не нужны. А гонки решили не отменять, хоть и не хватало теперь рулевых. Собрали более или менее опытных ребят. Среди них был Максим.

— Потянешь? — спросили его.

— А чего? Конечно! — ответил Максим.

Начались гонки. Среди рулевых, вышедших в финал, был и Максим Языков. Все считали это случайностью. Опытные рулевые, которых обошел Максим, посмеивались: пусть порадуется человек, мы не гордые.

И вот настал день финальных гонок.

Ветер вздымал волны. Паруса натягивались под ветром, хотели вырваться из рук. Они были еще нетерпеливей рулевых, готовящихся к последним испытаниям.

Каждому из рулевых предстояло со своим экипажем пройти на трех швертботах типа «Мева-2». На один из них, только что приобретенный, а потому еще целенький, все смотрели с надеждой. А вот на два других, «Драккар» и «Андрюшку»... Что и говорить, старые, залатанные развалины.

После жеребьевки экипажи погрузились в яхты и вышли в стартовую зону. Кому достались старые «мевы», тихо поругивались, жаловались на судьбу.

Минутная готовность. Яхты совершили небольшой круг и пошли к стартовой линии.

— Старт!

Максим завозился и вышел последним. Экипаж его с завистью поглядывал на несущиеся впереди яхты, жалел, что их рулевой — не опытный капитан Андрей Шуклин. К тому же Верх-Исетское озеро в этот день страшно брызгалось. Все вымокли, раскисли.

Неожиданно налетел шквал. Яхта дрогнула, паруса рванулись, матросы вцепились в шкоты. Ветер сильно накренил судно, вода упруго нажала на лопасть руля, он вырвался из рук Максима. Парус перекинуло, яхту почти положило на воду. Патрульный швертбот ринулся к Максимкиной «меве». Но Максим не хотел уступать. Он животом упал на румпель, крикнул матросам: «Откренивай!» — и вернул яхту на курс. Теперь Максим крепко держал румпель мокрыми руками.

Вдруг (что это, сон?) его яхта пошла, пошла, стала догонять впереди идущую. Ее командир, опытный рулевой, сму-

тился, но, как ни старался, Максим его обошел с наветренного борта. Это что! Он настиг и другую яхту.

Отставшим рулевым с берега советовали: «спустите баллоны», «воду откачайте», «выбросите за борт лишнее — круги, жилеты и непутевого матроса». Все радовались за Максимку. Его матросы развеселились.

Только у самого Максимки не было на лице улыбки до ушей, известной всем любителям отрядных фильмов. Он знал, что поворот возле буя, который сейчас нужно сделать, — самое трудное. Особенно для неопытного рулевого. Если поворот не получится, то придется повторять его заново — таковы условия гонок.

Ветер дул в левый борт. Максим грудью навалился на руль и отклонил его вправо. Яхта накренилась, стала приводиться носом к ветру.

— Стаксель на ветер! — хриплым голосом скомандовал рулевой.

Парус поймал ветер, яхта четко сделала поворот и вышла на финишную прямую.

Солнце, вышедшее взглянуть на чудо из-за тучи, ослепило. Макс, прищурившись, вел яхту вперед. С волнением, не веря в происходящее, он пересек линию финиша первым.

В следующий заход Максим и его экипаж шли спокойнее, уверенней. И снова победа! Они пришли первыми на старенькой «меве», доказав, что все зависит не от яхты, а от командира. Доказали, что настоящий рулевой не обязательно тот, кто имеет капитанскую «петлю» на нашивке. Дело не в форме. Настоящий рулевой крепко и уверенно держит руль, умеет найти выход из трудных положений.

Итак, из трех заходов Максим дважды пришел первым.

— Ура! — кричали ему ребята на берегу.

Сияющего подшкипера схватили и стали подбрасывать высоко-высоко, почти до самых туч. Макс что-то кричал, но его никто не слушал.

— Искупать! — закричали все и потащили победителя к воде.

— Да я же не умею плавать! — наивно врал Максим, надеясь спастись от «крещения».

Радостные крики зрителей заглушили его голос. Скоро Максим барахтался прямо в одежде и спасательном жилете среди волн. Он подплыл к берегу, вылез, покачал головой и, не переставая улыбаться, пошел переодеваться в сухое.

Вот так!

От редакции: Если говорить точно, то у Максима и автора этого рассказа при подсчете оказалось одинаковое число

очков — он трижды пришел вторым. Но совет флотилии не стал назначать дополнительную гонку. Звания чемпионов присудили сразу двум рулевым и их экипажам. Все посчитали, что Максим заслужил победу.

ШТУРВАЛ

Штурвал — механическое устройство, с помощью которого перекладывается руль. Ручной штурвал состоит из горизонтального вала, называемого баллером, и соединенного с ним колеса или двух колес с ручками. Штурвалами называют штурвальное колесо.

К. И. Самойлов. Морской словарь, т. II, с. 576

Штурвал — это вещь, без которой не может обойтись ни один корабль. Недаром штурвал и якорь есть на многих эмблемах и морских знаках.

Раньше матросам во время шторма приходилось туго. Они вчетвером еле удерживали штурвал, стараясь не потерять управления судном. После бури, вымокшие и израненные, щурясь от яркого солнца, крепко сжимали они рукоятки штурвала мозолистыми руками, радовались, что победили стихию. Пассат раздувал их мокрые, просоленные волосы. А друг-штурвал поскрипывал, напевая свою песню.

У нас в отряде тоже есть штурвал. Настоящий. Он укреплен в штурманской рубке, которую мы оборудовали в закутке кают-компании. Новички подолгу стоят возле него, осторожно поглаживают, будто хотят убедиться, что это не игрушка, почувствовать дыхание моря. Нередко можно застать за этим занятием и ребят вполне почтенного возраста.

Мы привезли штурвал из Севастополя. Было это так.

Катер шел по Северной бухте. Был пасмурный день, и море казалось свинцовым. Серые со стальным отливом волны ударяли в скулу катера. Море нехотя выбрасывало гребни. Несмотря на качку, мы стояли у самых бортов и разгляды-

вали все вокруг. Мы увидели кладбище кораблей. Большие, покореженные и беспомощные, они вызывали жалость. Один танкер с названием «Бея» уже резался на металл.

Кто-то из наших сказал:

— Вот это да! — и мы повернули головы в другую сторону.

Мы увидели настоящий порт. Стояли на разгрузке суда торгового флота, пассажирские лайнеры покачивались у причалов. То и дело раздавались протяжные звуки сирены. И среди больших современных судов стояла марсельная шхуна «Испаньола». На ней недавно снимали фильм «Остров сокровищ» по знаменитой книжке Роберта Льюиса Стивенсона, потому и дали такое название. Конечно же, мы решили побывать на ней.

На шхуне нас встретили капитан и матросы. Они разрешили полазить по вантам и даже покрутить штурвал «Испаньолы». Серега залез на ванты и закричал, что он из Африки. Кто-то даже попытался изобразить носовую фигуру и при этом чуть не сыграл в воду. Сидя на вантах, Серега разглядел, как режут танкер. Он закричал нам, что с него можно снять штурвал, не пропадать же ему. Мы одобрили его идею криками и энергичными прыжками на палубе.

Матросы, поддавшись нашему настроению, спустили ялик, висевший за кормой шхуны, взяли нас, и начался пиратский набег. Ялик оказался дырявым, но мы гребли изо всех сил, не обращая на это внимания.

Нахально забравшись на танкер, мы стали снимать с него штурвал. Рабочие с удивлением, но без возражений взирали на нас.

Штурвал вытащили на берег, и ребята облепили его со всех сторон. Каждому хотелось как следует разглядеть добычу. Правда, был он покрашен в отвратительный зеленый цвет, но под краской чувствовалось прочное старое дерево.

Мы привезли штурвал домой, в Свердловск, вычистили, выскоблили, покрыли лаком и поместили в штурманской рубке.

Когда какой-нибудь мальчишка, пробравшись потихоньку в рубку, берется за дубовые ручки и начинает вращать могучий штурвал, тот поскрипывает, рассказывая о прошлых бурях и приключениях.

А потом у него появились два маленьких товарища. Одно рулевое колесо прислал для наших яхт наш друг, штурман дальнего плавания Захар Липшиц. А еще один штурвал мы сделали сами. Выточили из бука на токарном станке рукоят-

ки, выпилили диск для обода, покрыли дерево морилкой и лаком. Этот штурвал теперь используется для управления новым парусником — самым большим. Но об этом судне речь впереди...

Сергей КОРОБОВ

КАК НА ПЕРЕДОВОЙ...

14 июня 1974 года.

Для всех практика начинается с проверки и вооружения яхт, а для дежурных по кухне — с заготовки еды в столовой. И это очень ответственное дело. Кто видел, с каким аппетитом уминают еду в обеденный перерыв наши матросики, тот в этом не будет сомневаться. Поэтому каждое утро кухонные дежурные спешат с обедом на базу. За плечами — солдатский термос с супом, в руках — ведра со вторым и компотом.

Сегодня встретил нас седой старик и удивился:

— Вы, братцы, еду несете? Совсем как на передовой...

И он рассказал, как приходилось ему пробираться под вражеским огнем с таким же термосом за плечами. Иногда приходилось вжиматься в землю, чтобы термос не пробило. Без еды лучше не возвращаться — солдаты изголодались, для подкрепления сил горячая пища им ох как необходима была.

Старик улыбнулся нам, махнул рукой на прощание и ушел. А мы продолжали свой путь, бережно неся ценный груз. Как на передовой.

Костя СУББОТКО

ВЕТЕР

Ветер! Ты бываешь всюду.
Гнешь травинки, гонишь корабли.
И мальчишек маленькие змеи
Поднимаешь высоко с земли.

Ветер! Ты бываешь очень сильный:
Вырываешь с корнем деревца,
Паруса фрегата, бригантины
Надуваешь сильно иногда.

Ветер! Ты хороший очень.
Правда, покидаешь всех нас иногда.
Ветер! Мы тебя все очень просим:
Оставайся с нами навсегда!

Максим ЯЗЫКОВ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ФЛАГ ОТХОДА

Андрей СКЛЯР,
капитан «Каравеллы», семиклассник,
стаж в отряде — четыре года

ДОРОГА

Ветер с утра —
Значит, пора.
В путь,
в путь,
в путь...

Походный сигнал
горнистов «Каравеллы»

На окраине Свердловска, в поселке Уктус, над лыжной базой полощется на шесте флаг. Мы называем его флагом отхода. Вообще-то настоящий флаг отхода, из морского сигнального комплекта — синий с белым прямоугольником. Он соответствует букве «п» в международном своде сигналов. А флаг над базой — красный. Но именно по нему мы узнаем: ждет ли сегодня нас плавание.

Если флаг беспомощно повис, лучше не ездить на озеро. Все равно день пройдет зря: безветрие, штиль. Повиснут паруса, и владельцы гребных судов будут с усмешкой поглядывать на нас. Если есть ветер, флаг становится похожим на птицу. Он рвется в высоту, хочет полететь.

На наше озеро нужно добираться на трамвае по одноколейному пути. Только трамвай иногда не ходит, и тогда мы добираемся пешком.

Кругом современные дороги и транспорт, а этот путь словно забыли. Одноколейка заросла травой. Рядом с рельсами возвышается репейник, а между шпалами белеют своими головками одуванчики. И кажется, что там, впереди, где скрывается заросшая узкоколейка, что-то неизведанное. Сейчас пройдем немного, и за поворотом откроется море, широкое и синее...

...За поворотом Верх-Исетское озеро и островок, похожий на крокодила.

Наши ряды рассыпаются. Все устремляются к яхтам — кто быстрее. Мелькают в воздухе потрепанные портфели. Бежим, словно школьники после уроков, только в портфелях не учебники и тетрадки, а спасательный круг или жилет, чашка с ложкой и запасная одежда.

Начинается вооружение судов. Паруса рвутся из рук, их приходится сдерживать, словно горячего коня. Кроме того,

нужно успокаивать и призывать к порядку рулевых. Только выйдут на воду, сразу стремятся уйти далеко вперед. А отрываться от флагманского судна не полагается.

Командор волнуется:

— Куда его опять понесло? О чем только думает!..

И правда, о чем?

«...У, берег уже далеко. Кажется, яхта идет медленно, если не смотришь на воду. А вода стремительно разрезается форштевнем. Вот так бы мчаться и мчаться. За остров со смешным названием «Баран». И дальше... Там начинается Исеть. Эх, с нашим флотом далеко не уплывешь по ней... Ой, кажется, оторвался от своих. Сейчас мне будет...»

В каждом живет тоска по Далекой Дороге. Собираясь вместе, мы рассказываем о городах, в которых побывали, и завидуем тем, кто уже был у моря. Ведь море — Самая Дальняя Дорога. Все другие пути, словно реки, впадают в эту главную дорогу. Может быть, поэтому любая отрядная поездка для каждого — большое событие. Даже в сухопутные города мы отправляемся как в плавание. Отглажена и аккуратно уложена в чемоданы морская форма. Чемоданы пока не тяжелые, там только самое необходимое. До свидания, дорогие родители! Прощание будет суровым. Мам, пап, дедушек, тетушек и других родственников на вокзал не берем. Прощайте, родные места! Мы уезжаем. Нас ждет Дорога, ведущая к морю.

Мы обживаем вагонные полки, поудобнее устраиваемся возле окон. Высунешь голову — и ветер обдувает лицо, играет волосами. За окном необыкновенные запахи свежести, сена, земляники. За окном леса, реки. Поплавать бы...

Позади наше озеро и яхты, ветер и штормы. А что впереди? Там, куда так стремительно несет нас поезд?

Чаще всего в последнее время Дорога приводила нас в Москву. Здесь хорошие друзья. Здесь журнал «Пионер», флагу которого вот уже много лет мы верны. Здесь река Москва, которая соединяется с Волгой, а Волга, как известно, впадает в море...

В центре Москвы, в небольшой церквушке находится Выставка Морфлота СССР. Мы приходим сюда, как в гости к старым знакомым. Наши знакомые — это модели парусных кораблей, героических судов времен революции, современных лайнеров. Вот рубка корабля (у нас в отряде почти такая же). Вот вещи с ледокола «Ермак». Карты, морские приборы, якоря. Все эти предметы словно старые моряки, уставшие в долгих плаваниях. Отслужили свое и теперь спокойно уснули на берегу.

Спите. А нам нужно идти дальше. Мы еще поплаваем. Большие корабли понесут нас туда, где небо сливается с морем. Разбуженные их тревожным гулом, поднимутся со дна

морского его обитатели, и чайки будут удивленно тараторить: «Кто это? Куда это? Так далеко? Неужели не страшно?»

Нисколечко. Мы ждем этой Дороги всю свою жизнь: десять, двенадцать, четырнадцать лет. Прощайте, берега! Мамы и папы, хорошо, что вы остались дома. Не пристало моряку перед дорогой видеть слезы и грустные глаза...

— Эй, отойдите от бортов! Кому говорят! Салаги! — бравый морячок оттесняет нас от борта речного трамвая и пытается забросить канат на причальный кнехт. Только бросок не получается.

Кто-то из малышей не выдерживает и внятно говорит:

— Сам салага.

По-моему, можно простить такую неделикатность хоть и маленькому, но моряку, побывавшему в настоящих переделках.

А вот рулевой оказался человеком хорошим. Он пустил в рубку несколько человек и даже дал подержать штурвал. Об этом пронюхали остальные ребята и тоже ринулись в рубку. Всем хотелось подержать штурвал.

Бам! — катер ощутимо треснулся о пирс, и всем пришлось поспешно выметаться из рубки.

Интересно, на речном катере далеко ли можно уплыть? Пожалуй, не очень. Говорят, они легко переворачиваются. А на море иногда такие волны...

Летом в Москве жара страшная. Редкие дождики и грозы не спасение. Нужны продолжительные купания. Лучше всего в Химках. Мимо проходят пароходы и поднимают хорошие волны. А когда накупаешься вдоволь, можно попускать кораблики. Кто делает их из дерева, кто из пенопласта. Только вот для парусов ничего подходящего нет.

— А паруса-то можно из листьев делать, — приходит кому-то в голову умная мысль.

Начинаются парусные гонки. В самый ответственный момент кораблик Кости Субботко перевернулся.

— Это плохая яхта, — говорит он сердито. — Я сейчас другую, хорошую сделаю.

Победителя выяснить не удается — пора возвращаться в город. А кораблики наши уплывают в море одни, без капитанов.

На обратном пути выходим к речному вокзалу. У причала стоят пароходы, большие и маленькие.

— Вот бы прокатиться!

— Да, хорошо бы...

Кто-то уже торчит у расписания.

— Смотрите, а на пароходе можно домой приплыть. По Волге в Каму до Перми. А там до Свердловска совсем близко.

— А что, если правда? — говорит кто-то робко.

И все смотрят на Славу.

Он сунул руки в карманы, извлек их содержимое — деньги — и стал считать.

— Нет, братцы, это нам не по карману. На проезд наскребем с горем пополам. А чем питаться будем?

— Ну и что? Затянем потуже ремни! — Серега Молчанов, и так худущий, продемонстрировал, что может вовсе в соломинку превратиться.

На пароходе мы все-таки поплыли. Только не в то лето, а через год. Прошла зима, осень, весна, и вот мы снова в Химках. В карманах у нас билеты, так что мы настоящие пассажиры парохода по имени «Рязань».

До отправления почти час. И мы решили по старой памяти искупаться. Сложили все чемоданы в угол. Здоровая получилась гора. На нее посадили Володю Соколкова: ему купаться нельзя, нога болит. Побежали на пляж.

На пляже почему-то никого не было. Последний старичок забирал свои пожитки.

— Туча, — предупредил он нас и пошел прочь.

Большая темная туча выползла из-за горизонта. Знакомая ситуация: шторм скоро.

— Успеем, — успокоили мы Славу и поспешно попрыгали в воду.

Сначала далеко, а потом все ближе побежала по воде темная рябь. Волны поднялись.

— На берег, быстро! — прозвучала команда.

Одеться мы не успели. Хлынул ливень. Напрасно мы старались укрыться от него, прижавшись к стенам павильонов. Все равно вымокли.

Пора было на посадку. Мы стремительно добрались на вокзал, подхватили чемоданы — и к причалу. Там стояло несколько пароходов. Который из них «Рязань»?

Разглядели... Наш пароход был маленький и изрядно потрепанный.

В свежем, послегрозовом воздухе зазвучал разочарованный хор голосов:

— И мы на таком поплывем?

— Смотрите, он колесный!..

— Ха, пароходик... Экспонат.

— Да он еще до революции был построен.

— Неправда! — мужественно сказал командор. — Пароход специально таким сделали, чтобы он ходил по рекам, не застревая на мелководье.

Но, кажется, и он был немного разочарован.

Так началось наше первое плавание на пароходе.

СЕКСТАН

Секстан — морской угломерный инструмент, служащий для измерения: 1) высот небесных светил в море или на берегу; 2) углов между видимыми с корабля земными предметами и, реже, 3) углов между небесными светилами и земными предметами.

К. И Самойлов. Морской словарь, т. II, с. 274

Наше море — Верх-Исетское озеро. Из конца в конец — шесть морских миль. Нигде вода не смыкается с небом, везде берега. Не заблудишься. А секстан — это инструмент, чтобы находить место судна в открытом море. Главным образом для этого.

Ну и что? Все равно без секстана нельзя, если хочешь заниматься морским делом по-настоящему. А где взять такой сложный и дорогой инструмент? Да еще в «сухопутном» городе.

У нас есть хороший друг — Евгений Иванович Пинаев, художник. На его картинах — море, дальние берега, парусные корабли. В его комнате — шкафы с заморскими раковинами, акульими челюстями и чучелами невиданных рыб, спасательный круг с барка «Крузенштерн», штурвал с рыболовного сейнера и морские карты дальних архипелагов. Евгений Иванович не только художник. Он моряк. Моряк всей душой, как говорится, «от А до Я». Он плавал и в тропиках, и в северных морях. На рыболовных судах, на грузовых, но главным образом на парусных. Их еще не так уж мало.

Однажды Евгений Иванович пришел в отряд и, добродушно топорща боцманские усы, сказал:

— Берите уж, так и быть...

И протянул деревянный футляр. Там был самый настоящий секстан. Не очень новый, но вполне исправный. Будто только что из штурманской рубки.

Теперь мы можем определять высоту светил над горизонтом, измерять углы между ориентирами, находить поправку индекса. Спросите: зачем? Ведь в нашем «море» не заблудишься.

А ничего, пригодится. Не всегда нам плавать только рядом с домом.

Игорь СМИРНЯКОВ

КАЛОША

Сказка

Жила-была Калоша. Когда она состарилась, хозяева выкинули ее во двор.

Наступила весна, зазвенели ручьи. Один из них подхватил Калошу, и она отправилась в плавание.

Вдруг прямо перед Калошей возникла большая куча. По ней бегали черные точки и несли что-то белое. Приглядевшись, Калоша узнала муравьев. Они спасали свои личинки от наводнения. Калоша подплыла ближе, и муравьи с личинками забрались на нее. Некоторые забрались на мачту. (Тогда у нее уже была мачта. Да и как бы она поплыла, если бы в нее не вставили мачту.)

Так Калоша приплыла к реке, а по ней к морю. Ведь все реки впадают в море. На берегу она высадила своих пассажиров. Муравьи сердечно поблагодарили ее и стали строить новый муравейник.

А Калоша поплыла обратно. Плыть вверх по течению было гораздо труднее, но уж очень ей что-то захотелось в родные места.

Сережа КУЗЬМИНЫХ

БАБА-ЯГА?

Утром проснулись от страшного грохота: матросы перекатывали по палубе бочки. За иллюминаторами величиной чуть больше стекла от очков плескалась вода. Вдруг в воду упала метла странной конструкции: лохмотья, привязанные к палке.

— Баба-яга! — догадался я.

Метла стала прыгать.

— Наверно, взлетать будет, — покачав светлой головой, сказал Генка Хабибрахманов.

Метла взлетела. Мы облегченно вздохнули. Но метла опустилась опять. Мы испугались уже не на шутку.

Тут вбежал кто-то из ребят и крикнул:

— Матросы шваброй палубу моют!..

Андрей СКЛЯР

Александр КУЗЬМИН,
штурман «Каравеллы», восьмиклассник,
стаж в отряде — три года

ПЛЫВЕМ...

— Смотрите, летят и не отстают!
— А зачем им отставать? Они кормятся у пароходов.
— Значит, чайки не могут жить без людей...
— А люди без чаек?

Разговор на палубе

В мечтах мы столько раз отправлялись в путешествие, что могли бы уже считаться старыми «морскими волками». Сколько морей и океанов избороздили мы, сидя в отрядной кают-компании. Скрипел штурвал, и капитан негромко отдавал команды:

— На реях! Поставить паруса. С якоря сниматься!

А теперь настоящий капитан совсем даже не торжественно командовал:

— Справа по борту отдать чалку. Что там такое? Почему задержка? Задний ход!..

Шла обычная работа. Матросы чертыхались, если что-нибудь не получалось. Пароход потихоньку выбирался из строя судов, выходил на фарватер. Вот он уже упрямо идет против ветра. Волны беспомощно бьются о борт и рассыпаются в мелкие брызги. Серега Коробов почти выпал за борт, пытаясь дотянуться до них.

Под вечер проходили шлюзы — ворота в Волгу. Проходили не спеша и величественно. Вместе собрались большие и маленькие суда. Они нетерпеливо гудели. Вдруг сзади прямо из воды стала вырастать стена. А мы вместе с водой стали опускаться. Показались серые, обросшие водорослями боковые стены. С них стекали остатки воды. Теперь мы были заперты как в темнице. Но тут раскрылись огромные ворота! Путь свободен.

Совсем стемнело. На бакенах, указывающих путь, замелькали огоньки. Волны бегали друг за дружкой, будто в ляпки играли. И в каждой — кусочек оранжевого света. Вместе с солнцем уходил первый день плавания.

Потом мы лежали на полках в своих каютах. Совсем как в поезде. Только в иллюминаторы голову не выставишь — там плещется вода.

Идет тихий разговор.

— Слушайте, а смогли бы мы добраться до Москвы на яхте?

— Спокойно!

— Ну да, а шлюзы? Как ты на яхте будешь давать задний ход?

— Ой, как трудно!.. А весла для чего? Можно мотор поставить.

Рождалась мечта.

На второй день нашего путешествия рано утром появились чайки.

Я не помню, кто первый принес эту весть. Только мы бросили все дела и побежали на верхнюю палубу.

Утреннее солнце ослепило, обожгло. Потом осветило белокрылую птицу, мелькнувшую передо мной, и спряталось за трап. А чайка осталась. Она продолжала парить, расправив тонкие крылья, слегка подрагивающие от встречных потоков ветра. Чайка летела то совсем рядом, то, взмахнув несколько раз крыльями, взмывала вверх. В этом-то было что-то торжественное и спокойное. Мне даже пришло на ум: простая ли это птица? Нет ли здесь чего-нибудь необыкновенного?

У меня в кармане лежал кусок хлеба, оставшийся от завтрака. Я отломил немного и бросил чайке. Она сделала плавный, но стремительный разворот и подхватила хлеб у самой воды. Мне показалось, что она с благодарностью глянула в мою сторону.

Мимо пробегали ватаги веселых малышей, проходили ахающие и охающие дяди и тети, а я ничего не замечал. Я кормил мою чайку. Когда ей удавалось поймать крошку на лету, она гордо взлетала вверх, издав клич победы, и снова возвращалась ко мне. Хлеб кончился, а я все смотрел и смотрел на чайку.

Пора было обедать. Неохотно спускаясь по трапу, я еще раз взглянул на чайку, танцующую в лучах солнца.

Во время обеда я запасся хлебом. С удивлением заметил, что другие ребята делают то же самое.

Я выбежал на палубу... Но чайки не было. Сразу стало как-то невесело. Хотел уйти, но ко мне подбежал Андрей Скляр.

— Чего здесь стоишь? Пошли на корму. Чаек там целая туча!

Чаек действительно было много. И ребят, наверно, не меньше. Я подошел к Генке Хабибрахманову. Он в каком-то неописуемом восторге наблюдал за птицами. Светлая лохматая голова его светилась от солнца, а лицо — от радости. Каждый раз, когда какой-нибудь чайке удавалось схватить хлеб на лету, он издавал радостный крик.

Но мне уже не было так радостно. Эти чайки были не такие, как моя: большая, с черным клювом и головой. Кто она?

— Может, она самая главная? — спросил Генка, проникшись сочувствием к моей грусти.

Я и сам так думал. Куда же она улетела?

Делать нечего, и я стал кормить других чаек.

Хлеб кончался, а чайки все прибывали. Тут Генка больно ткнул меня кулаком. Я хотел сделать ему... замечание, но он сказал:

— Смотри, вот она! Черная!

Я посмотрел туда, куда он указывал, и увидел мою чайку.

— Ура! Моя прилетела! — не выдержал и крикнул я.

Ко мне подбежал возбужденный Андрей Скляр.

— Почему это твоя? Я ее уже давно приметил...

Он вдруг замолчал. Возле нас остановился матрос из команды. Хитро посмотрев на нас, он намазал хлеб горчицей и кинул его чайкам. Кусок не успел упасть в воду. Голодные чайки подхватили его.

...Вечером чайки летели в отдалении от парохода. Уныло и бесконечно. Их было уже совсем немного. Потом чайки совсем исчезли.

Пусто и неинтересно стало без них на палубе. Мы ушли вниз, забрались в самую большую каюту: поговорить, порисовать.

Тут вошел Генка. Непривычно тихий, с опущенной головой.

— Знаете, что я узнал? Чайки от горчицы умирают. У, этот матрос! Самый плохой человек на свете...

Мы молчали, ошеломленные известием.

...Один знакомый штурман рассказывал нам про матроса на рыболовном судне, которое полгода не заходило в порт. Матрос извелся от скуки. Он кидал чайкам рыбу, сунув внутрь что-то острое. Тоже подлый человек. Но там хоть понятно: обалдел от тоски. А здесь?..

За что убили чайку?

Может, это была моя, черная, залетевшая с далеких морей. А может, другая... Разве может настоящий моряк убивать чаек?

С этого дня мы уже не смотрели с одинаковым восторгом на всех, кто проходил мимо нас в синих форменках и фуражках с якорями и штурвалами.

ЛОЦИИ

Лоция — часть науки кораблевождения. Она занимается подробным изучением морей и океанов и служит руководством, как располагать по ним курсы судна, минуя все опасности... Все описания морей носят название руководств для плавания, или лоций, и вместе с картами составляют главные пособия для плавания.

К. И. Самойлов. Морской словарь, т. I, с. 550

Несколько лет назад в отряд пришло письмо от девочки из Перми, восьмиклассницы Лены Радостевой. Смотрите, какое хорошее имя — Лена Радостева. И письмо ее было хорошее — очень подходящее к такому имени. Лена писала, что хочет познакомиться с отрядом, что любит море и мечтает о дальних островах.

Потом Лена много раз приезжала к нам в гости, а вернувшись домой, опять присылала письма. Из них можно составить целую книжку. Сначала Лена путешествовала по родному городу, открывая интересные улицы и переулки, узнавая о них удивительные истории, встречаясь с замечательными людьми. Ведь открытия можно делать не только за тридевять земель. Потом Лена ходила в походы с комсомольским отрядом, ездила в города, где есть море и корабли.

Она строила модели парусников и рисовала карты будущих плаваний.

Многие в детстве и юности мечтают о дальних островах. А потом забывают. Только у Лены получилось иначе. Она кончила десятый класс, потом курсы радистов-метеорологов и уехала на зимовку. Сначала на один из островов Онежского озера, потом на Северную землю, затем на Дальний Восток.

Она увидела северное сияние и бесконечные льды, белых медведей (это не шутка, это серьезно и довольно опасно) и ледоколы, пробивающиеся к базам. Она подружилась с креп-

кими смелыми людьми. И обо всем этом по-прежнему писала нам. В нескольких номерах «Синего краба» мы печатали ее «Арктический дневник».

Но есть у Лены самая главная мечта — уйти в дальнее плавание. Она готовится к этому, учится. И где бы ни увидела морское судно, она идет к морякам в гости. Моряки дарят ей раковины с дальних берегов, акульи зубы и старые лоции — книги с описанием маршрутов, опасностей, маяков и течений в разных морях, у берегов разных стран. Книги эти, наверно, уже не годятся для прокладки курсов. Они изданы давно, некоторые до войны, и с тех пор многое изменилось у берегов. Но читаешь их и словно слышишь грохот волн у коварных скал, и видишь прерывистый свет маяков. И учишься четкому языку штурманской науки.

Несколько лоций Лена подарила нам: моря и берега Британии, Норвегии, Антарктиды.

Придет время, и Лена уйдет в плавание к этим берегам — мы это знаем точно. Потому что у нас есть еще одна лоция — Ленины письма. В них маршрут человека к своей мечте. И твердый характер этого человека.

Женя СЛАВИН

ЗАКАТ

...В каюте было душно, вентиляция не работала, и мы торчали на палубе. Вдруг кто-то сказал:

— Смотрите!

Вдали показалась красивая и необычайная земля. От нее исходил алый свет. Как в тумане, сверкали желтые купола причудливых церквей. Земля тянула к себе неведомой силой. Вдруг город исчез. На его месте появился огнедышащий вулкан, который выбрасывал красные искры. А потом все исчезло.

Так заходило солнце. Всего несколько минут.

Андрей СКЛЯР

Сергей МОЛЧАНОВ,
капитан «Каравеллы», семиклассник,
стаж в отряде — три года

ПРАВО НА ФОРМУ

— А когда нашивку с якорем дадут?
— Месяца через три. Кончится твой кандидатский стаж, и совет решит: заслужил или нет.
— Долго еще... А трудно заслуживать?
— Трудновато. Потерять легче...

Разговор с новичком

Во время плавания случалось и хорошее и плохое. Но услышать на пароходе сигнал опасности никто из нас не ожидал. Опасности — не из-за пожара, не из-за пробоины или коварных отмелей на курсе...

Когда подошли к Казани, был безостановочный дождь. Мы все равно отправились в город и промокли до нитки. На следующий день форма наша представляла жалкое зрелище: будто ее пропустили через стиральную машину и забыли выгладить.

Добытый вездесущими малышами утюг вернул нас к жизни. Перед командирской каютой, где происходило отглаживание формы, образовалась огромная очередь. Не такая, конечно, как в магазине. Просто ежесекундно в дверь просовывалась чья-нибудь голова и спрашивала с тоской:

— Скоро утюг освободите?

Но тот, кто дорывался до утюга, не спешил: с непонятным блаженством разглаживал пионерский галстук, черную форменную рубашку с якорем на нашивке и даже берет.

Вдруг распахнулась дверь.

— Наших ребят бьют! Там, на палубе!..

Я не успел осознать, что и как. Сработала реакция — раз беда, нужно бежать на помощь. За спиной слышалось хлопание дверей, топот ног. Наши вбегали по трапам на палубу.

В узком коридорчике возле ресторана взрослые матросы прижали к стене наших ребят. Один из них, высокий, белобрысый парень, замахнулся на Серегу Языкова, но подбежал Слава и схватил его за руку.

Мы и члены экипажа стояли друг против друга как враги.

Как это могло случиться?

Готовясь к плаванию, мы решили войти на корабль без формы. Не потому, что стеснялись ее. Нет, мы носим отряд-

ную форму с гордостью. Она черного цвета, как у настоящих моряков. Это знак памяти о погибших товарищах. Ведь у моряков нет могил, погибшие навсегда остаются в море. Наша форма отвоевана в борьбе с любителями чужих ремней и якорей, с их наглыми взглядами и липкими руками. Из-за нее (хоть это и непедагогично) мы выдержали не один бой с учителями, которых она почему-то раздражает. В этой форме мы драим отрядное помещение, строим яхты, ходим в ней в дождь, ветер, холод. У нас нет парадных мундиров — на все случаи жизни форма одна. Выстирал, погладил, заштопал дыры на локтях — чем не парадный вид?

Нет, своей формы мы не стыдились. Но появиться в ней перед настоящими матросами и штурманами мы не решились. Получилось бы, что хвастаем. Нужно было немного подождать, познакомиться с экипажем, рассказать о своих плаваниях. Не хотелось, чтобы нашу форму приняли за маскарадный костюм.

Только знакомство не очень-то получалось.

С первых же минут мы только слышали: «Отойди! Не мешай! Здесь ходить нельзя!» Мы принимали это как должное. Люди заняты делом, а мы пассажиры на их корабле. И все-таки было немного обидно. Вспоминались рассказы ветеранов отряда о том, как моряки с парусника «Кодор» поили их чаем в кают-компании, показывали корабль и даже дали постоять за штурвалом. Как экипажи «Крузенштерна», «Капеллы», «Испаньолы» принимали отряд на своих судах.

Был, конечно, здесь капитан, который с уважением отнесся к отряду и его законам. Был помощник капитана, который разрешил проводить зарядку и отрядные линейки на самой верхней палубе, где рулевая рубка. Были и другие хорошие моряки. Но приходилось встречаться не только с ними.

Больше всех старались уборщицы. Они гоняли нас с верхней палубы, где расположены каюты-люкс, «потому что шумим», из комнат отдыха, «потому что нечего здесь делать». Матросы, когда мы им особенно надоедали, пускали в ход крепкое словцо. От взрослых старались не отстать практиканты из речного училища — всего на два-три года старше нас. Наверно, они считали себя «морскими волками». В ругани они тоже старались не уступать «настоящим» матросам. (Хотя наш хороший друг Евгений Иванович Пинаев, который много лет плавал в океанах, не раз говорил, что настоящие моряки не терпят грубую ругань.) Для «самоутверждения» практиканты гоняли нас отовсюду, «нечаянно» толкали, проходя мимо. Об одном из них, кочегаре Славе, разговор будет особый...

Пароход плыл и плыл, хлопая по воде лопастями. Величаво проплывали мимо волжские берега. Ветер в поле колыхал траву, и она переливалась, будто бежала за нами. Облака громоздились у самого горизонта, как лестница в небо. Вместе с закатами и рассветами вырастали по берегам старинные церкви и крепости. Одна колокольня возвышалась прямо над водой. Мы проплыли совсем рядом, и так захотелось пробежаться по каменным ступенькам!

Все это было похоже на кинофильм с мелькающими кадрами. Только ветер был настоящий, пахло свежестью волн, и водяные брызги можно было поймать руками.

По вечерам на корме хрипло орал репродуктор. Когда прилетали чайки, они собирались вместе и начинался танец. Каждая птица танцевала свою партию, непохожую на другую, поднималась и опускалась в такт музыке, замирала на протяжной ноте. И вместе с тем было видно, что они исполняют какой-то общий танец. Но это было раньше, пока не убили чайку. Теперь за кормой было пусто.

А на палубе танцевали девчонки. На чаек они не были похожи. Мы посмеивались, подталкивали друг друга:

— Пойди, пригласи!..

Максим Языков, который перешел уже в пятый класс, глянул на тетенек и сказал хриплым голосом:

— А что, я могу.

Его брат, ровно в два раза длиннее Максимки (за что его иногда называют «Макс в квадрате»), изящно переломился и прошептал флагману Пашке Орлову:

— Хочу танцевать только с вами.

Пашка мрачно посмотрел на него и отказался. Больно надо танцевать с парнем.

Девчонки, конечно, на нас не обращали внимания. Практиканты из речного училища были постарше. В тельняшках и клешах, они и тут старались не отличаться от взрослых моряков. Особенно старался один из них, Слава-кочегар. Он щеголял по вечерам в отутюженной форме, приводя в восторг девчонок.

А еще этот Слава любил собирать значки. И делал это оригинальным образом: подкараулит маленького пассажира и отберет значок. Малыши боялись его и молчали. Собралась приличная коллекция. Она была бы еще больше, если бы Слава-кочегар не наткнулся на наших ребят.

Первым был Димка Конюхов, четвероклассник. Он сказал, что какой-то парень из экипажа попросил у него значок, вроде бы посмотреть, а теперь не отдает.

Я насторожился:

— Это черненький такой?

И рассказал, что этот парень подходил ко мне, пробовал значок отобрать, только я не дал.

Нам с Сашкой Шиховым поручили разобраться в этом деле.

Пришли мы в кубрик. Славка валялся на одеяле. Рядом еще один практикант, толстый такой, который ругался больше всех.

— Значок давай, который у Димки взял, — сказал Сашка Шихов. — Здоров ты с маленькими связываться. Здесь отдашь или пойдем к капитану?

Славка вскочил, зло взглянул на нас, но потом достал мешок и вынул оттуда значок.

Мы вышли из кубрика. Славка крикнул вслед:

— Еще зайдете в мой кубрик, выкину в иллюминатор!

Но прийти нам пришлось еще раз, и довольно скоро. Узнав о нашей победе, малыши на пароходе поняли, что не такой уж он страшный, этот бравый моряк Славка. Они рассказали нам, как он отбирал у них значки. Вместе с ними вернулись в кубрик. Увидев нас, Славка вытаращил глаза, а потом без разговоров полез в заветный мешок со значками. Быстро сообразил, что к чему.

Его толстый товарищ потом подкараулил на палубе Сашку Шихова и пригрозил:

— Еще выступать станете и по кубрикам шляться, плохо будет.

Тогда мы поняли, что он ничем не отличается от тех хулиганов, которых нам приходилось встречать на берегу. И Славка ничем от них не отличается, хоть и носит морскую форму. И тот, кто кормил чаек горчицей...

Немного позднее один из практикантов вызвал в коридор Серегу Языкова. Там стоял Славка. Они спросили у Сергея:

— Долго еще выступать будете?

Они хотели ударить, но Серега увернулся и отбил удар.

Сашка Шихов и Алеша Усов, заметив, что в коридоре происходит что-то неладное, подбежали, стали останавливать драку. Подбежали взрослые матросы. Они остановить драку не пытались, а сразу полезли на наших ребят.

...Вот мы и стояли теперь друг против друга как враги.

Высокий белобрысый матрос размахивал руками и пытался втолковать, какие мы подлецы: сорок человек напали на двух пацанят. (Это на практикантов.)

Нас было в коридоре не сорок, а двадцать. Не все из отряда смогли попасть в эту поездку. Но если бы они услышали тревожный сигнал, то можете быть уверены, тоже прибежали, все как один. Только не для драки. Мы, наоборот, остановили ее. И теперь требовали справедливости.

Но подошел разгневанный боцман.

— И что за дети такие! Другие едут, так концерт покажут. Тихие, вежливые, слова поперек не скажут. А эти чуть что, сразу в драку.

Это было знакомо. Часто мы слышим подобные слова: «Ну захотелось ваши нашивки потрогать, ну неосторожно за пуговицу дернули, а вы сразу драться!» Или так: «Ну и что же, что пьяный? Ну и что же, что толкался в автобусе? Сперва подрастите, а потом вмешивайтесь!»

Действительно, можно жить спокойно. Позволять матросам ругать себя. Не замечать, как кочегар Слава в морской форме значки отбирает. Другие ребята на пароходе ведь молчали, пока мы не вмешались. И про них никто не скажет: «И что за дети такие!..»

Как все мальчишки, мы иногда шумели и носились по палубам, совались туда, куда не следует, за что нам тут же влетало от командора. Но мы не совершали подлости. Наоборот, выступили против нее. Кое-кому не нравится, когда ребята вмешиваются в их дела, только мы иначе не можем. Не привыкли иначе. У отряда есть Устав, а там такой пункт:

Я не стану ждать,
когда на защиту правды
встанет кто-нибудь другой,
раньше меня.

Мы вызвали вахтенного штурмана. Он выслушал нас, выслушал матросов. А потом говорил с экипажем коротко и резко. Он понял нас.

Мы выступили против несправедливости как один. Нельзя было не постоять за честь морской формы. Это неважно, что мы сейчас были в простых рубашках и курточках, а форма с якорями лежала, недоглаженная, на столе.

Кстати, после этого случая мы надели ее и больше не снимали до конца рейса. Мы имели на это право.

ФЛАГ НАД ЦЕМЕССКОЙ БУХТОЙ

Рассказывает Ирина Мезенцева:

— Сначала разослали группу по магазинам искать красные нитки. Потом покупали белую краску. Потом придумы-

вали шрифт, которым можно крупно написать: «Пресс-центр и флотилия «Каравелла», г. Свердловск». И только после всего этого мы увидели флаг. Он был растянут на полу и еще не просох, на нем в верхнем левом углу белый веселый кораблик. Это был настоящий флаг, громадный, алый, и мы стояли возле него молча и торжественно. Флаг мы шили для того, чтобы отправить его «Шхуне ровесников» — ребятам из города Новороссийска.

Рассказывает Костя Подыма, флаг-штурман «Шхуны ровесников»:

— На вершине горы Сахарная Голова возле Новороссийска поставила «Шхуна ровесников» свой флаг в честь погибших воинов и в честь поэта-комсомольца, солдата Павла Когана, погибшего в сорок втором у подножия этой горы. Здесь, у этого флага, которому в феврале 1974 года исполняется 2500 дней, принимает теперь «Шхуна ровесников» самые важные решения.

Рассказывает Сережа Языков:

— А еще Костя Подыма рассказал нам, что на этой горе поднимают свои флаги разные отряды и клубы всего Советского Союза. «Шхуна ровесников» предложила и нам отправить в Новороссийск свой флаг. И был срочный совет капитанов. Застрекотали швейные машинки у наших девчонок. Потом флаг раскинули на полу, и в кают-компании стало светлее. А потом мы запаковали его и отправили в Новороссийск. Ребята из экипажа «Шхуны ровесников» подняли наш флаг 11 ноября. Мы специально попросили их сделать это в один из ноябрьских дней. В этот месяц весь Свердловск был расцвечен флагами в честь своего 250-летия. И мы были очень рады, что один из флагов нашего города поднялся над Цемесской бухтой, где в годы войны среди тысяч солдат и матросов было немало уральцев. А сейчас наш флаг отправили в обратный путь. Истерзанный суровым морским ветром, державший почетную вахту над городом-героем, он расскажет нам о море, о бухте, о наших друзьях из «Шхуны ровесников».

Декабрь, 1973 год

Костя СУББОТКО,
штурман «Каравеллы»,
стаж в отряде — четыре года

ВСТРЕЧНЫЕ КОРАБЛИ

Пока ты спал, доверясь ночи,
Сквозь море шел к тебе баркас...

В. Файнберг

Пароходная жизнь пошла как прежде. В обиду мы себя не дали. Только не было уже прежней радости оттого, что плывем, оттого, что новые, незнакомые берега проходят мимо бортов... Может быть, мы просто устали?

Мы часто стояли теперь на носовой палубе и смотрели, как волны разбегаются от форштевня...

Вдруг у дальнего берега я увидел парус. Сначала подумал, что показалось, но другие ребята тоже заметили яхту.

— «Дракон», — сказал я.

— «Эмка», — сказал Серега Молчанов.

Спорили мы минут пять, а потом разом замолчали, потому что увидели: надвигается огромный теплоход. Он прошел совсем рядом. Загорелые пассажиры помахали нам руками.

— Наверно, с юга, — завистливо сказал Серега. — Вон какие все коричневые.

Я хотел заспорить: как это с юга, если мы идем на север, а теплоход — нам навстречу. Но спорить расхотелось. Я вдруг вспомнил, что по Волге ходят суда из всех морей.

Немного погодя пришло наливное судно «Волготанкер». Такие не только в моря, но и в океаны выходят. Мне захотелось прыгнуть на него и уплыть далеко-далеко. Ведь я море ни разу не видел.

Стемнело, стало холодно. А мы с Серегой все стояли на палубе и смотрели на встречные корабли.

Ночью приснился сон. Будто плывем мы на трехмачтовом паруснике в открытое море. У штурвала стоит Серега, а я сижу за картой, прокладываю курс кораблю. Макс Языков сидит в корзинке высоко на мачте, где салинг, и смотрит вперед: не показалось ли уже Открытое Море. Вот берега исчезли, осталась только вода, сливающаяся с небом.

— Ура! Море! — закричали мы.

От радости я упал ночью со второй полки. Серега от шума тоже проснулся. Увидел стекающую со столика красную жидкость, подумал, что это кровь, и хотел закричать. Но я его остановил. Это ведь я воду из-под краски при падении раз-

лил. Превозмогая боль, я залез обратно. Спать уже не хотелось. Серега тоже усиленно ворочался внизу. Мы стали с ним разговаривать. Про наши яхты, конечно. И про то, что хорошо бы отправиться в плавание на своем корабле. Только где его взять?

Утром, когда все собрались в каюте, чтобы обсудить дела на день, я спросил:

— Слава, а ты бы смог управлять настоящим кораблем? Ну, таким, какие в старину ходили?

Тут сразу все зашумели. Оказывается, ребята о том же наедине думали, и похожие сны нам всем снились. Надоело быть пассажирами, надоели чужие палубы.

Слушал нас Слава, слушал, а потом не то спросил, не то просто сказал:

— Значит, будем строить корабль. Ох и трудно будет...

ВЕТЕР

Вошли в Рыбинское водохранилище. Здесь сильный ветер. На волнах пенятся гребни и с силой ударяются о борт. Мы стоим в носовой части, на верхней палубе. Ветер прямо в лицо, задохнуться можно. Я покрепче надеваю берет, чтобы его не унесло, как у Алешки Усова. Брызги от волн обильно осыпают меня. И в этих брызгах я заметил кусочек радуги. Капельки опадают — и радуга исчезает. А потом приходит с новой волной.

Небо на горизонте сливается с водой. Вспоминается Севастополь, Черное море. Как мы стояли на набережной, огромные волны ударялись о гранит, обливая нас, как из ведра. Мы тогда вымокли, но не хотели уходить от моря...

Сергей КОРОБОВ

* * *

Плывет вдалеке Белый Корабль,
Гонится за ним туча.
И вот нагнала его,
И попал он во владения тучи.
Хочу я поймать тучу,
Но слишком маленькие руки,
Чтобы ее ухватить...

Гена ХАБИБРАХМАНОВ

* * *

Шторм и шквал идут в водохранилище,
Волны бушуют, вьются барашки,
И разбиваются о судно они.
Корабль качает на волнах,
И брызги летят через борт!

Но, как ни упорствовали волны,
Судно шло, смотря в упор стихии.

Дима КОНЮХОВ

Александр ШИЛЬНИКОВ,
восьмиклассник, капитан «Каравеллы»,
стаж в отряде — шесть лет

РАЗГРОМ

Эта глава без эпиграфа. Не хочется вспоминать ни стихи, ни цитаты, только зубами скрипеть хочется, как вспомнишь...

Мы вернулись из поездки по Волге, и на следующий же день я с младшими ребятами поехал на базу. Потому что на чужих кораблях хорошо, а на своих, хоть и маленьких, мы не гости, а капитаны и матросы. Да и соскучились мы по парусам.

Мы торопились посмотреть, как там живут наши суда. Как они могут жить? Конечно, хорошо. Поэтому мы шагали весело.

Трамвай опять не ходил, и мы топали по заросшей рельсовой линии. Генка и Димка распевали песню, немного похожую на ту, которую пел знаменитый Винни-Пух:

Хорошо живет на свете Винни-Пух,
У него друзья большие, он — лопух...

Они прервали пение, когда мы подошли к разъезду. В этом месте озеро совсем близко подбиралось к дороге. Оно заманчиво блестело от ласковых лучей солнца.

— Хорошо бы искупаться, — вздохнул Димка и хитро посмотрел на меня.

— Искупаться очень даже надо! — поддержал его Генка.

Мы искупались.

И сразу, мокрые еще, прибежали на базу.

Наши яхты столи на прежнем месте. Все как будто было в порядке. На первый взгляд. Издалека. А когда подошли поближе, увидели, что мачты непривычно голые. На яхтах не было стоячего такелажа.

Сначала мы просто удивились.

— Вот так фокус... — сказал Димка.

Это был не фокус, это было чье-то черное дело. Ванты и штаги кто-то вырвал с мясом. Стоячий такелаж бушприта на «Пионере» исчез вместе с винтовыми талрепами. Исчезли и капроновые фалы. Днище на «Томе Сойере» было пробито, а резиновые борта «мев» оказались истыканными ножом.

Раньше случалось: пропадет веревка, снимут блок. База — открытая и с воды и с улицы, всякие люди на нее забредают. Но сейчас тут поработали не любители мелкой наживы. Чем внимательней мы осматривали суда, тем яснее понимали: это разгром эскадры.

Только шлюпка «Африка» уцелела, хотя и у нее сняли фалы.

Генка сел на борт «Африки» и тихо сказал:

— Вот так. С приездом...

* * *

Знаете, на кого похож парусник с оборванным стоячим такелажем, с надломленным бушпритом, покосившийся и беспомощный? На упавшую от выстрела птицу. Она еще живая, но летать не может. Полетит ли когда-нибудь?

Мы отремонтировали наши суда. Все, кроме одного. «Драккар» был загублен безвозвратно. Через несколько дней мы снова вышли на воду. Но, по правде говоря, настроение было скверное.

Никто не мог ответить на простой вопрос: «Зачем это сделали?»

Откуда взялись люди с такой тупой бессмысленной злобой? Что им было нужно? Хотели поживиться корабельными снастями? Но тогда зачем уродовать корпуса? Может быть, это чья-то месть? Но у нас там не было врагов...

Тринадцать лет жил отряд, и случалось в его жизни всякое. Были победы и праздники: плавания и дальние путешествия, свежие номера журналов и книжки с юнкоровскими очерками и рассказами, снятые ребятами фильмы, грамоты и медали, встречи с хорошими друзьями, открытия и успехи. А было и наоборот: горькие минуты, когда ошибались в друзьях, неудачи в делах, жалобы на отряд и визиты разных комиссий.

Но с такой черной подлостью мы столкнулись впервые. И тогда у многих появилась мысль: «А может быть, хватит?»

Правда, может быть, хватит? Тринадцать лет жил отряд, кое-что мы успели и сделали. Может быть, время кончать?

Конечно, мы отремонтировали яхты, но вдруг завтра их изуродуют снова? Никакие сторожа не спасут их от хитрой и непонятной злобы. Ну а если не случится беды с яхтами, то вдруг что-нибудь другое? И снова надо поднимать отряд по тревоге, снова что-то доказывать, с кем-то спорить...

Мы все-таки перевели парусники к ближнему пирсу, чтобы они всегда были на глазах у дежурных.

Потом спросили у начальника морской школы ДОСААФ:

— У вас есть списанные ялы?

Он сказал:

— Найдем...

ЭПИЛОГ, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ КОНЧАЕТСЯ

Есть у нас одна отрядная песенка. Не так уж часто мы ее поем, но тут вспомнили:

Над морскими картами
Капитаны с трубками
Дым пускали кольцами,
Споря до утра.
А наутро плотники
Топорами стукнули:
Стук да стук по дереву —
Вырастал корабль...

Все было как в песне. Разве что кроме трубок. Дымил только Евгений Иванович Пинаев, наш старый друг, моряк и художник, незаменимый консультант по такелажу и рангоуту.

Конечно, это лишь поется так: «Стук да стук по дереву». Спеть легко, а вот построить... Гнилой шестивесельный ял по сравнению с тем, что мы задумали, это все равно что груда кирпичей по сравнению с новым домом (причем кирпичей не самых лучших). А ведь прежде чем начать постройку, надо было перевезти эту громадину через весь город и впихнуть через окно в отрядное помещение.

Глянули мы на это ободранное дырявое страшилище и снова спросили друг друга:

— А может, не надо?

Но уже маячил перед нами призрак стройного гафельного тендера с белой каютой, с точеными балюстрадами по бортам, с высокой узорной кормой, штурвалом, длинным бушпритом. Ванты, переплетенные веревочными ступеньками, тонкая стеньга над мачтой, решетчатая надстройка на носу с хитрым названием «княвдигед». Представляете корабли петровских времен? Вот такой кораблик, только поменьше.

А зачем? Чтобы попробовать на ощупь все фалы и шкоты, чтобы подняться до решетчатого салинга по упругим вантам, чтобы почувствовать в ладонях рукоятки настоящего штурвала. Чтобы можно было уйти к далекому берегу, встать на ночевку, засветить на клотике якорный огонь, улечься на скрипучие корабельные койки и слушать истории о легендарных клиперах и плаваниях вокруг света.

Потому что в век атомоходов и космических кораблей не гаснет романтика морских ветров и парусники не собираются покидать океаны.

Потому что вдали от океанских берегов, в самом центре континента каждое летнее утро встает перед нами Море в конце переулка...

А как строили... Про это пришлось бы писать отдельную книжку. Как иногда радовались, а иногда чуть не плакали. Как по болтику, по досочке собирали нужный материал. Лучше уж пусть будет песня:

Крутобокий, маленький,
Вырастал на стапеле
И был спущен на воду
Он в урочный час.
А потом на мачте мы
Паруса поставили,
И, как сердце, дрогнул
Наш компас...

Мы назвали его «Дик Сэнд». Помните пятнадцатилетнего капитана из романа Жюля Верна? Ему было столько же, сколько к моменту спуска исполнилось нашим капитанам.

Запись в вахтенном журнале «Каравеллы»:

«28 мая 1975 года. Среда.

В 14,30 дежурный экипаж стал по местам. Мы подняли для начала два паруса: грот и стаксель. Максим Языков отдал от бочки носовой швартов. И мы пошли. Хорошо пошли. Ветер был небольшой, балла два, но мы все равно бежали.

...Потом мы поставили еще кливер. Ветер усилился, задул крепко. Мы шли вдоль пирса у водной станции Верх-Исетского завода. На пирсе столпились люди. Какой-то мальчишка громко сказал: «Папа, смотри, настоящий живой парусник!»

Под лучами яркими,
Под крутыми тучами,
Положив на планшир
Тонкие клинки,
Мы летим над волнами
С рыбами летучими,
С чайками, с дельфинами
Наперегонки...

На крыльце, на лавочке
Тесный мир и маленький,
У крыльца, у лавочки —
Куры да трава.
А взойди на палубу,

Поднимись до салинга —
И увидишь дальние
Острова.

* * *

Теплая и очень темная ночь опускается на Севастополь. Погружаются в нее белые дома. Кругом тишина, только не смолкает неутомимый рокот волн. В стороне слышен детский смех, перебиваемый короткими возгласами. Кучка ребят веселится, играя с морем. Приметят недалеко от берега огромную волну и подбегают к самой кромке пирса. Волна, словно сказочная, медленно переваливаясь, движется к пристани. Мгновение — и она от удара о причал рассыпается в множество брызг, взлетевших на трехэтажную высоту и вспыхнувших, как салют, в свете фонаря. Брызги с шумом дождя, заглушаемым грохотом следующей волны, падают на подставленные спины ребят. Мокрые и веселые, мальчишки отбегают назад и караулят другую волну. Море тянет их к себе огромной силой, не известной никакому ученому. Зато это известно всем мальчишкам и девчонкам планеты, думающим о кораблях, дальних островах и открытиях.

Есть ребята, которые всю жизнь видят море, спят под шум морского прибоя, живут им. Но есть и такие, как эти мальчишки на вечернем пирсе у Приморского бульвара. Встретившись с морем на короткие дни и часы, обласканные им, они живут воспоминаниями об этих мгновениях...

Светлая, с негаснущей зарей ночь тает над Свердловском. Нет ни одного уголка, где не побывала бы тишина. И не слышно вдали голоса волн. Компания ребят поднимается на гору. Гора как гора, за ней старый, обросший лопухами и полынью пустырь. А с другой стороны — сосновый лес. Впереди — крыши, заросшая трамвайная линия. Ребята поднялись на гору и ждут солнца. И вот вместе с первым лучом в глаза ударили синие и золотистые блики.

Да, это море. Откуда оно здесь, в конце старого переулка времен Татищева? Это наше, ребячье море, рожденное мыслями, мечтами о нем. Оно появляется только перед верными ему людьми. Где бы они ни были. В любом стареньком городке, в конце улочки с покосившимися от времени домами. В просветах между типовыми двенадцатиэтажными башнями-корпусами. С этим морем не играют, на него смотрят затаив дыхание, боясь спугнуть его.

А потом:

— Экипажи, по местам! Грот, стаксель и кливер — пошел! Всем — отход!

Это уже совсем не игра. Не шутка. Это по правде.

Паруса пошли над синей водой...

СОДЕРЖАНИЕ

М79 **Море** в конце переулка. М., «Молодая гвардия», 1976.

96 с. с ил.

Эта книга — коллективная работа юнкоров пионерского отряда «Каравелла» города Свердловска. Руководит отрядом писатель Владислав Крапивин — лауреат премии Ленинского комсомола. Ребята пишут о строительстве парусников, о том, как они выходили в первое плавание, управлялись с навигационными инструментами и картами, преодолевали первые шквалы. Книга, иллюстрированная фотографиями пионерского пресс-центра, будет интересна и ребятам и взрослым — прежде всего тем, кто работает с пионерами.

373.04

М $\frac{10403-238}{078(02)-76}$ 74—76

МОРЕ В КОНЦЕ ПЕРЕУЛКА

Редактор **Л. Лузянина**
Художник **В. Длугий**
Художественный редактор **А. Гладышев**
Технический редактор **Е. Брауде**
Корректор **Н. Павлова**

Сдано в набор 5/II 1976 г. Подписано к печати 28/VII 1976 г. А04975. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л. 6 (усл. 6) + + 8 вкл. Уч.-изд. л. 6,3. Тираж 100 000 экз. Цена 36 коп. Т. П. 1976 г. № 74. Зак. 2404.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

36 коп.

